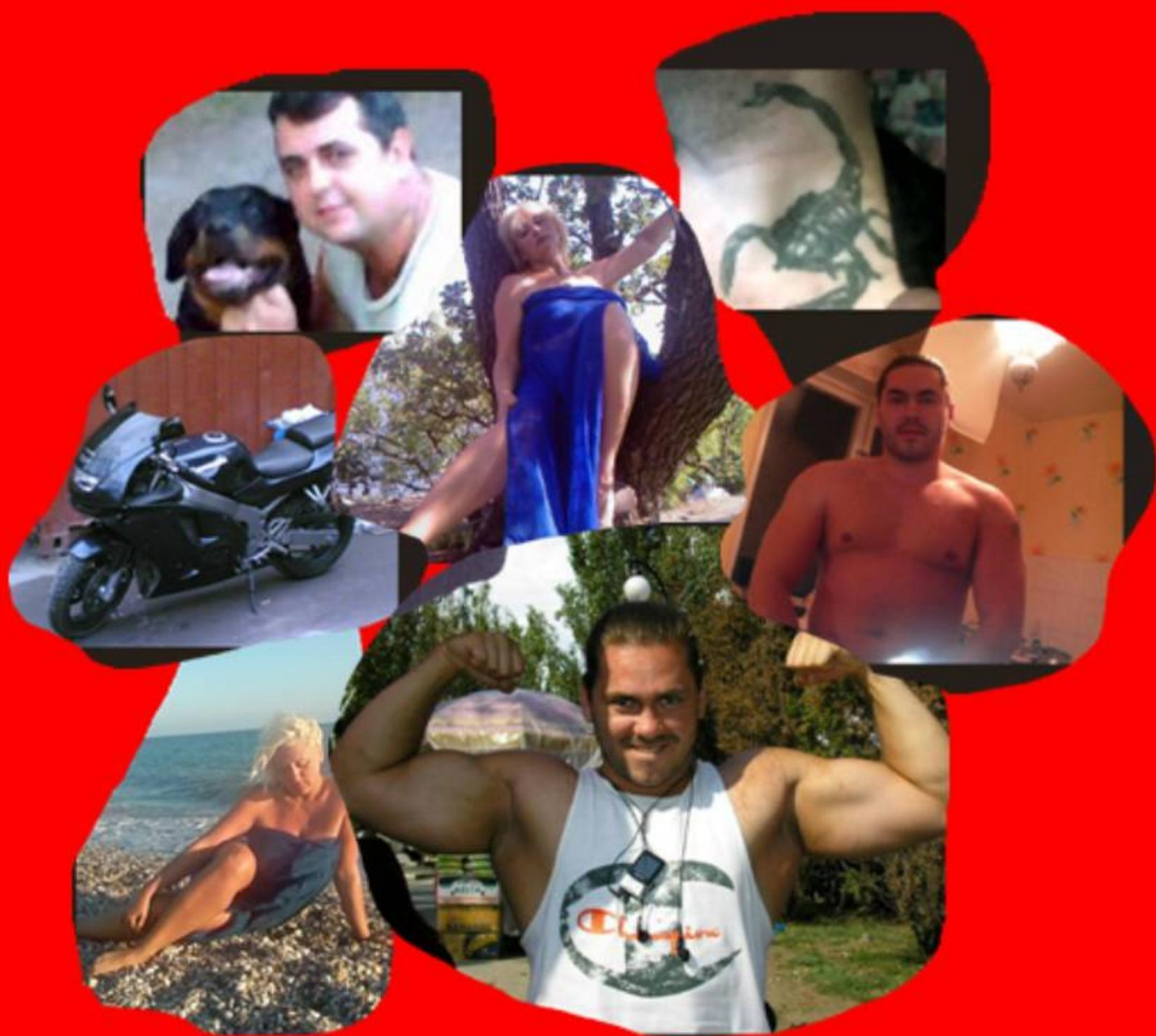

Марина Ганфайтер

Роман в СМС

18+

Марина Ганфайтер

Роман в смс

«Автор»

2026

Ганфайтер М.

Роман в смс / М. Ганфайтер — «Автор», 2026

Виртуальный мир иногда заводит человека в такие дебри, которые ему раньше даже не снились. Журналистка решила написать книгу о том, как влияет на жизнь и сознание человека виртуальный мир, для этого она решила прожить жизнь своей героини, но она не представляла, что её ожидает в будущем. Первым её шагом было отправление смс в чатрикс знакомств.

© Ганфайтер М., 2026

© Автор, 2026

Марина Ганфайтер

Роман в смс

История эта началась в 2007 году в Украине, когда ещё не было мощно шагнувшего в нашу жизнь виртуального мира, а были лишь отдельные сайты знакомств, общение в скайпе, пользующиеся популярностью доступные ТВ-чаты, в которых можно было опубликовать смс со своим телефонным номером и за полчаса получить в ответ несколько сообщений и звонков. Этот мир манил к себе, притягивал непредсказуемостью. Ты никогда не мог наперёд угадать, кто напишет тебе или позвонит, что скажут, чего захотят от тебя. Окунувшись в этот омут, уже нельзя было оставаться прежним, виртуальный мир ломал тебя, привнося каждый раз что-то своё, перепроектировал, делал глупее или вульгарнее, малодушнее или раскованнее... Он играл с тобой не на равных, потому что ты, сам того не замечая, становился игрушкой в его руках.

Большая часть событий, описанных в повести, происходила на самом деле, и у героев есть свои прототипы, правда, имена некоторых из них изменены.

* * *

Какая хорошая идея: рассказать о том, как люди, страдающие от недостатка общения, знакомятся по телефону, через Интернет, виртуально общаются, влюбляются, а потом... А что потом? Чем заканчиваются такие романы? Этого-то она и не знала.

Марина, журналист по образованию, в свои 40 лет была настойчивой, если не сказать – упрямой, любила рисковать и безоглядно влюбляться, только чувства её никогда не перешагивали порог, за которым было скучное слово – брак. Хорошее дело браком не назовут, люди вообще с толком умеют давать названия. И теперь она со всей пылкостью приступала к обдумыванию своей новой книги, книги ещё не было, но название явилось само собой – «Роман в смс». Оставалось только выбрать героев для романа и тщательно продумать сюжет, а финал подскажет жизнь.

Марина понимала, что плохо знает этот виртуальный мир, ей нужно проникнуть внутрь, стать его частью, самой окунуться в непредсказуемость и авантюренность. Можно ли верить тому, кто выходит на связь с тобой? Для чего он это делает? Чтобы просто вечер был нескучным или он на самом деле одинок? И куда, к каким берегам, на какие мели выбросит её лёгкое судёнышко?

Героиню она представляла не юной, легкомысленной девушкой, а довольно зрелой женщиной, наивной и умной, доверчивой и привлекательной. Ну, не везёт таким в жизни. Хомутать мужиков они считают неприличным и даже стыдным делом, а по достоинству их оценить может не каждый представитель сильного пола. Мужчина – как ворона, тащит всё, что блестит и плохо лежит, а то, что на самом деле ценно, ему и невдомёк прикарманить.

Она уже видела свою героиню: среднего роста, не худощава, но и не полна, глаза выразительные, лучше всего зелёные, с тёмными ресницами и слегка сдвинутыми у переносицы бровями. Волосы пушистые, светлые, как берёзовые ветви, обрамляющие лицо. На первый взгляд – некрасива, на второй – что-то в ней есть, а после расставания – забыть невозможно, лицо, как картинка, встаёт перед глазами. И взгляд... Так смотрят, когда прощаются на перроне, уезжая надолго или навсегда.

Что ж, моя героиня, я проживаю твою жизнь, радуюсь вместе с тобой и плачу, тебя обижают – сердце моё сжимается, делают комплименты – я расцветаю. И где я, где ты – не различишь, мы одно целое...

Да, она вместе со своим детищем пройдёт этот путь до конца. Только сделав так, можно написать что-то стоящее. Разве её героиня – не она сама? Ей тоже сорок. Она одинока и никогда

не была замужем. Не повезло или бог миловал – она ещё не знает, но уже предвкушает всю опасность той дорожки, на которую решает ступить. Опасность, но в то же время и азарт.

Вот на цветном прямоугольнике телевизора поплыли сообщения под ничего не значащим словом «гость». Кто придумал этот «Чатрикс»? Пишут сплошные глупости. Кто-то хочет, чтобы его рассмешили, кому-то, видите ли, не спится, а другому подавай секс с двумя девушками сразу. Извращенцы какие-то! – возмущается она. Как можно любить сразу двоих? В её скучной жизни таких экспериментов не было. А может, потому и скучной, что ничего не было? Эти малолетние девчонки испытали всё, а она, серая мышь, словно девственница, шарахается от каждого решительного мужского взгляда. Нет, надо что-то делать! Надо срочно менять себя и свои вкусы, иначе ничего у неё не получится. И нечего смотреть на экран с отвращением и иронией, просто она несовременная женщина, иначе бы давно схватила за телефон и набрала бы текст, как у этих гостей: «мечтаю о сексе с интересным мужчиной». Хорошо, если никто не откликнется, а если позвонят? Что она скажет?

Нет, нет и нет! Ей не 15 и не 20 лет, пора вытянуть на свет божий свою сексуальность. Кто сказал, что она синий чулок? Мымра, корпящая над книгой? Так и состаришься, а никто не узнает, сколько нежности в тебе, сколько страсти, а какие фантазии посещают тебя по ночам! И почему это нужно скрывать? Кто сказал, что женщина в сорок – это уже не женщина?

Эта решимость так взволновала её, что она вскочила и, распахнув двери на балкон, оказалась на улице с телефоном в руке. Номер 4104, номер этого злополучного чата, она помнила наизусть. Одно её мучило: что написать? Что написать, чтобы ей непременно ответили? Подумав, набрала следующий текст: «Секс – не главное, но и в нём хочется совершенства». И написала свой телефонный номер. Смело, даже слишком, и откровенно, а там уж догадывайся сам, что она хотела сказать. Сообщение пошло, на экране заплесал маленький конвертик, и она тотчас пожалела о своём безрассудстве, но было поздно: всплыла надпись: «Сообщение отправлено».

К Марине пришёл неожиданный страх. Что, если будут звонить, писать? Что она скажет им, этим мужчинам, ждущим чего-то от неё? Вдруг им не понравится её голос? Или она покажется неинтересной, необщительной? Молодые женщины и девушки смело указывали в эсэмесках свой возраст, а она ведь умолчала, ничего не написав. Вдруг спросят, сколько ей лет? Что говорить? Правду? Врать она не умеет, но и ляпнуть напрямик – не пошлют ли её подальше с сороковником?

Вот и её сообщение вспорхнуло на экран и поплыло вверх, замерло, застыло, какое-то время помаячило и уползло за рамки экрана. Времени достаточно, чтобы успеть записать или набрать номер.

Прошла минута, вторая, но никто не звонил, телефон упорно молчал. Передача закончилась, картинки «чатрикса» сменились какими-то документальными кадрами, пора было выключать телевизор. «Ничего, - успокаивала она себя, - это только первая попытка, пробный шар, а дальше ей обязательно повезёт». С досадой нажала кнопку пульта, разочарованно вздохнула и, бросив взгляд на часы, где стрелки давно пробежались мимо двенадцати, с неохотой пошла ложиться спать.

Постель была уже готова успокоить её, когда раздался первый звонок.

- Привет, - голос был нежным и вкрадчивым, казалось, в одном этом слове сконцентрировалось всё напряжённое ожидание. – Марина?

- Да, - ответила она несмело и передёрнулась: мороз осенил кожу её плеч, прошёлся по позвоночнику и убежал далеко вниз.

- Мариночка, познакомимся? Я Вадим. Только что прочёл твоё сообщение. Ты же писала в чатрикс?

- Да, - ответы её были односложными и малоинтересными, но ночной собеседник, видимо, догадывался о смущении и не торопился с выводами.

- Мне понравилась твоя мысль. И как ты хочешь совершенствоваться?

- Не думала ещё об этом, - прошептала она. В самом деле, не думала! И не знала, как страшно, когда тебя о чём-то спрашивают, словно на экзамене. Но раз уж сделал первый шаг – не остановишься.

- И сколько лет тебе, киска?

«Вот оно, начинается», - подумала Марина и чуть не выронила телефон. Врать! Безбожно врать, но только не говорить правду!

- Тридцать, - выдавила она из себя, скостив сразу десяток. И ждала, что он ответит. Мужской голос довольно промурлыкал:

- Класс! Люблю, когда женщина старше, опытнее. Это так возбуждает!

Страх прошёл, но стало смешно, она еле сдерживалась, чтобы не фыркнуть в трубку.

- И как ты любишь? Что тебе больше нравится?

Марина снова впала в ступор, надо было как-то изменить разговор, придать ему безопасное направление.

- Вадим, - спросила она, - а тебе сколько лет?

- Двадцать один, - тут же ответил он, - как видишь, такой возраст – самый пик мужской потенции. Так что, можем доставить друг другу много удовольствия. У тебя есть квартира, где бы нам встретиться? Ты сама живёшь или ещё с кем-то? Хочешь – давай у меня. Примем душ, я вытру твою спинку, твои плечи, сосочки...

Она ощутила, как эти сосочки подскочили и вытянулись, словно кто-то потянул их пальцами. «Вот это да!»- мелькнуло в её голове. – Неужели одними только словами можно так завести человека? А голос издали всё шептал и шептал:

- Я пройдуся языком по твоим рёбрам, по выпуклому животику, нырну в пупок, наполню его слюной и выпью её, оставив холодок и влажность...

Марина со стоном оборвала разговор и отключила телефон. Включив минут через пять, услышала, как он запел и защёлкал, не успевая принимать то эсэмески, то звонки, приходящие, как выстрелы дробью. Ну и ну! Значит, она правильно подобрала тон и составила именно тот текст, который заинтриговал мужчин. Но такого урожая, как в эту ночь, она всё-таки не ожидала: 61 звонок и 33 смс! Отвечать всем не могла, больше сорока звонков осталось без ответа, с сообщениями разбиралась позже, на листке записывала номера и имена, потом каждому отвечала.

Под утро, выбившись из сил, сделала вывод: всех, кто откликнулся, можно было разделить на четыре группы: тех, кто был одинок и искал свою вторую половину; тех, кому было просто нечего делать, и кто взялся за трубку из любопытства; были и интересные собеседники, в чём-то разочарованные, им просто хотелось кому-то излить свою душу, рассказать, что их девушки и жёны не понимают их активности, тайных желаний и пр. И, наконец, четвёртая группа – явные сексуальные маньяки. Если бы они только писали и звонили- это ещё ничего, но вслед за звонками пошли ммс с откровенной презентацией своего обнажённого тела. Видом соблазнительных мужских половых органов Марина ещё не видела. Она принялась тут же стирать их из телефонной памяти, всё более озлобляясь против собственной смелости.

Одна ммс привлекла её внимание: на фото была огромная чёрная собака с печальными глазами и подпись «Ротвейлер надеется познакомиться». Марина оставила её и написала ответ:

М. Почему Ротвейлер? Добрый, сильный, верный или злопамятный и зубастый?

Ответ пришёл тут же.

Р. Нет, толстый, ленивый, брюнет и обожаю эту породу. Кстати, привет! Я Семён.

М. Привет! А я – интеллектуальная и утончённая. Мой ник – Ганфайтер, а зовут Марина.

Р. Я уже понял, что интеллектуальная, потому что не каждый сегодня знает, кто такой Ганфайтер. Кстати, почему Ганфайтер? И, если можно, перейдём на «ты».

М. Перейдём. Ганфайтер потому, что я люблю стрелять и ещё по гороскопу я Стрелец.
Р. По мужским сердцам?

М. И по ним тоже, но больше по обычным мишеням.

Р. Какой у тебя род занятий?

М. Журналистика, филология, 6 лет на телевиденье, танцевальная студия и т.д.

Р. Ничего себе списочек! Даже телевиденье! А у меня на экране засветилась только моя собачка. Я же простой рабочий, сварщик.

М. И где ты живёшь, сварщик?

Р. В Одессе.

М. Ты одессит? Вау! Город солнца и дождей!

Р. Да, я люблю контрасты.

М. Контрасты? Значит, ты должен любить чёрно-белые фото и темнокожих женщин.

Р. Нет, просто женщин. Цвет кожи роли не играет. А контрасты – например, пиво со сладким батончиком или после хорошего заведения зайти в дешёвую бодягу и почувствовать разницу в полной мере. А фото таки лучше чёрно-белые, вот только цветных женщин в моей жизни не случилось. А ты не темнокожая?

М. Увы!

Р. Жаль. А тебе нравятся мулаты? Чем?

М. Я эстет, ведь так красиво: на белой руке – чёрная!

Р. Понятно. А когда тебя можно беспокоить? В какое время?

М. Я встаю очень рано, так что «беспокой».

Р. Это здорово! Я буду беспокоить тебя в 8 утра (кроме выходных). В выходные я сам ни с кем не общаюсь. Это для меня святые дни, в смысле отдыха. Я отсыпаюсь. А ты пришлешь мне фотку? И ещё: сколько тебе лет?

М. Тридцать. Пришлю. Спокойной ночи!

Р. Мне 35. И тебе того же!

Марина отложила телефон и задумалась: зря соврала, что ей 30, если бы знала, что он старше, можно было бы ещё годочков набавить.

Ей очень понравился этот Ротвейлер. Сказал, что толстый, не соврал, чтобы понравиться. А ещё – одессит. А в этот город Марина была просто влюблена. И любит собак. Ротвейлер любит. Это тоже хорошо. Значит, добрый.

Утро сердито заглядывало в окна, словно ворчало на тех, кто ещё не торопился спать. Она легла, довольно натянула на себя одеяло, потёрла ногу о ногу, словно совершила далёкое путешествие, и прикрыла глаза. На душе было почему-то сладостно-тревожно. И в то же время спокойно. Всё у неё получилось, смс не осталось без внимания. И значит, роман тоже не заставит себя ждать.

* * *

У Семёна Луценко был второй брак. Первый, как лёгкое дуновение морского бриза, прошёл незаметно, ничего не меняя в привычках и укладе жизни, оставив только после себя ощущение оскомины. «Неудачно женился, - говорила мама. - Выбирать надо не женщину, а тещу и тестя, квартиру, где будешь жить с женой, и желательно соседей». «Первый блин браком», - соглашался с нею его младший брат. Сам он тоже недавно ушёл к девушке «на постой», оставив мать и бабушку в трёхкомнатной квартире. Ссорились они часто, нельзя было ни на одно утро забыть, что он не дома, а в гостях. Почему утро? Потому что все обиды и раздражения, скопленные за день, а потом не разрешённые ночью, обычно выливались на мужскую голову именно утром. Семёну это тоже было знакомо, ведь он жил в квартире жены, с тещей и сыном (не родным). Усыновлять пасынка он и не думал. Относился к мальчику неплохо, но мечтал

о собственных детях. Ему ведь уже 35 лет, правда, жена на четыре года старше, рожать ещё одного ребёнка она не собиралась, вот это-то и вызывало часто разногласия в их семье.

Семён работал сварщиком в бригаде по устранению аварий на теплотрассах. Работа не ахти какая, зарплата тоже не добавляла настроения, зато позволяла жене постоянно попрекать его тем, что сама она зарабатывает больше. Но зато были три дня работы и три дня отдыха. В эти счастливые три дня он ездил на рыбалку, ходил в баню, играл с друзьями в бильярд и пил пиво, иногда-водку. Бывало, что и напивался. Собственная жизнь давала много поводов для этого. А ещё Семён заполнил анкету и стал завсегдатаем чата, где у него был свой круг общения. Ник «Ротвейлер» вполне соответствовал его характеру и привычкам. В квартире с Семёном жила Аманда, очень умная, любившая его со всей пылкостью собачьей страсти, очень послушная и преданная, на её долю доставались все восторги нереализованного отцовского обожания хозяина. С нею он мог возиться часами, выгуливать, брать с собой на рыбалку, купать, заботливо укутывая потом полотенцем. У собаки были очень выразительные глаза, она, казалось, всё понимала о себе и о нём, сочувствовала, делала всё, что могла, не могла она только одного: убедить хозяйку родить второго ребёнка.

И вот в жизнь Семёна вошло ещё одно существо - Ганфайтер, женщина с необычным ником, подходящим больше мужчине. Эту женщину он называл про себя ласково – Мариша. Ещё не видев её фото, был уверен, что она ему обязательно понравится, даже если будет некрасива. Хотелось бы услышать её голос. Тон смс был ненавязчивым, корректным, но в то же время слегка ироничным, чувствовалось, что она немного подшучивает над собой и над их общением. Словно говорит: всё это так глупо! Но это игра, так давай же играть всерьёз, без правил! Интеллигентная женщина, чуткая к нюансам разговора и, наверное, увлекающаяся. В его чатовской жизни таких ещё не было. Были разные: умные, легкомысленные, экзотичные, откровенно сексуально-пошлые, но такая – первая.

Собираясь рано утром на работу, он поймал себя на желании написать ей. Если после первой беседы его так тянуло к ней, то что же будет дальше? Общаться дома в выходные, когда рядом крутилась жена, он не мог. Елена была слишком ревнивой, а он – уступчивым, она могла запросто прочесть записи в его телефоне, заглянуть в ммс, никогда не стеснялась спросить:

- Кто тебе звонил?

Молодой муж – это постоянное бдение. И то, что он толст, что у него больше ста килограммов и большой живот, неуютно чувствующий себя в джинсах, не мешало ему быть очень активным в сексе. Фантазии Семёна, эксперименты в позициях были подчас такими смелыми, а желание близости таким неумным, что жена часто наотрез отказывалась от его предложений. Что оставалось молодому мужчине? Только искать реализацию на стороне. Так появилась любовница, женщина тоже не свободная. Заметьте, женатые мужчины: никогда не берите в любовницы одиноких женщин! Это постоянная угроза, что вас попытаются увести из семьи. А замужняя женщина, да ещё с ребёнком, - это то, что вам нужно! И надежд не подаёте, и не разочаровываете, и всегда в вашем распоряжении, когда бурлит огонь, и денег на подарки и аборты тратить не нужно.

Уже сидя в трамвае, Семён послал эсемеску:

Р. Доброе утро. Я не разбудил?

М. Нет, я уже не сплю.

Р. Ты мне сегодня приснилась (полное враньё, чтобы настроить её на лирический лад). Хотел бы видеть, как ты выглядишь.

М. В моём телефоне нет камеры. Приедет подруга, сделает снимок – и я перешлю тебе.

Р. Буду ждать. А сейчас сброшу тебе фото своей собаки. И своё тоже.

Семён выбрал из папки самые удачные на его взгляд, снимки, где не виден полный подбородок, а всё пристойно и даже очень соблазнительно, к своему фасу и фасу собаки добавил снимок своей обнажённой груди и шеи. Дело в том, что там у него красовалась отличная тату-

ировка с изображением скорпиона, хвост которого воинственно поднимался почти до самого уха. Это производило на женщин впечатление, они тут же тянулись своими нежными пальчиками к извивающемуся хвосту, потом уже проводили по другим частям тела. Но со скорпиона обычно всё и начиналось. Ммс пошла. Семён представил, как Марина её рассматривает, и ожидал, какой будет её реакция. Что она ему напишет? Похвалит скорпиона или его самого? Но ответ оказался неожиданным.

М. Аманде посвящается:

Друг мой верный! Что, Аманда,

Мы с тобой – одна команда?

Всё имеешь: разум, слух ты.

Мы – сторожевые бухты.

Семён удивился: откуда она знает про бухту? Дело в том, что дом его как раз находится в бухте, и они любят гулять по берегу моря вдвоём. Нет, этот Ганфайтер – просто чудо какое-то! И эти стихи! Сердце Семёна было покорено. Наверно, именно такой женщины и не хватало ему. Женщины, которая внесёт в его жизнь неожиданность и хоть какую-то радость. Чёрт, почему она так далеко?! Даже джинсы печально скрипнули от этой мысли, а может, от того, что в них забеспокоилось.

Р. Да, ты молодец! Всё правда: и верный друг, и одна команда, и бухта. Я ведь в бухте живу.

М. Я рада, что тебе понравилось. Ты не обиделся, что стихи для Аманды?

Р. Нет, конечно. Я её очень люблю. Она – самое дорогое, что у меня есть.

М. Почему? Разве ты одинок?

Р. (небольшая заминка) Нет, я женат. Я не сказал тебе этого сразу. Но у меня нет детей. Вернее, с нами живёт сын жены, а общих детей нет.

М. Так вот почему ты не общаешься по выходным! А придумал: святые дни, отдыхаю и сплю! Мог бы сразу сказать, всё равно бы это ничего не изменило в нашем общении.

Р. А ты? Была замужем?

М. Нет. Я живу сама.

Р. А почему?

М. Не знаю, что тебе сказать.

Р. Неужели тебе никто не нравился?

М. Нравился, и даже очень. Была в моей жизни любовь, такая, что любого сломает. А одиночество – это боязнь потерять свободу или уже привычка.

Р. Как тебе мои фото?

М. Впечатляют. И вес, и смуглость кожи, и скорпион. Он, пожалуй, самый внушительный. Так и хочется погладить его и посмотреть, не задрожит ли он под моими пальцами. У меня от одной этой мысли напрягается спина и теплеют ладони...

Он прочёл ответ и вздрогнул: как легко, непринуждённо она перешла к тем словам, которых он так ждал, но которые казалось ему, написались слишком рано для недавнего знакомства. Да, он думал о ней ночью, обнимая равнодушно лежащее рядом тело жены; он проснулся с её именем и сейчас, сидя в трамвае, только ею одной был занят. Как это странно! И как не похоже на всё, что было у него до этого.

Р. Думаю, что задрожит. Он очень чувственный, ласковый и любит, чтобы его касались женские пальцы. Я уже приехал. Как только освобожусь – напишу. Сегодня будет много работы. Целую.

Это «целую» было ответом на ту степень интимности, которую она ему предложила.

Смешно, но совершенно незнакомая женщина, лица которой он не видел и голоса которой он не слышал, уверенно шагнула в его жизнь, расположилась рядом, села в его домашнее

кресло и смотрит, улыбаясь, словно говорит: То ли ещё будет! И он понимает сам: будет! Отказаться от неё добровольно он уже не в состоянии.

Мудак начальник вздумал перебросить его в своё ведомство, то есть, на дачу, надо было срочно уложить брызжащую тещу. Даже у таких, как его начальник, есть тещи и ничуть не лучше его собственной. Вечно всем недовольные, вечно поглядывающие искоса, как бы зять не загулял. Загулял не в смысле пошёл налево, а просто чтобы не остался в стороне от домашних дел. Тёщам кажется, что их доченьки много работают, а зятя – только валяются на диванах да шлёпают в тапочках от телевизора до холодильника. Ни на что другое они не годны. А то, что они трудятся в поте лица и всего остального в спальне, развлекая их дочерей, - в заслугу зятям не вменялось.

Нина Адамовна, полная моложавая еврейка, которая скорее смотрелась подругой жены начальника, нежели её матерью, уверенно расхаживала по даче, покрикивая на Семёна, и нетерпеливо объясняла, что руки у него выросли не оттуда, откуда положено, что жена его напрасно живёт с таким лентяем, что зарплату свою он не заслуживает. В завершение работы, проверив всё досконально, заявила:

- Да... Увидел бы мой Йосик, во что вы превратили его писсуар!

А Йосик, небось, - подумал Семён, - молотка в руках никогда не держал, да и не знает, как этот писсуар чистится, ёшкин кот!

Семён, конечно, не надеялся на бутерброд с красной икрой и бокал дорогого французского вина, но хотя бы омлет-то можно было приготовить! Нина Адамовна считала иначе, даже руки мыть она не пустила его в дом, а послала к небольшому баку с водой во дворе. Брезгливо отогнав мух, кружащих над головой и плавающих в баке, он вымыл руки, вытирать их не стал (было нечем), солнце и так высушит, и уселся на скамеечке под деревом, ожидая, пока начальник за ним заедет. «Написать Марине? – подумал он, - Чем там она занимается?»

Р. Я освободился и готов к общению.

М. Как к приёму пищи. Просто канцелярский стиль.

Р. Тем не менее, я готов. Чем ты любишь заниматься?

М. У меня много интересов. Например, туризм. Обожаю путешествовать. Пешком, на велосипеде, поездом, автобусом.

Р. Я не люблю водить машину. Всегда езжу с друзьями, кто на колёсах. А где ты побывала? В каких местах?

М. Крым, Кавказ, Прибалтика, Москва и Подмосковье, Поволжье. В Сибири не была, не довелось.

Р. Везёт. А я мало где бывал. В основном у нас на Украине.

М. Чем ты занимался сегодня?

Р. Да так, помогал одной фурии.

М. Этим тоже занимается ваша бригада? Шефская помощь, что ли?

Р. Помощь шефу, но не шефская. Я один был, без бригады. Приходится заниматься. У нас ведь не частное предприятие, а государственная структура. Совковая, ничего не изменилось.

М. Фурия хоть симпатичная?

Р. Смеёшься?

М. И платят хорошо?

Р. На такие деньги в Одессе прилично не проживёшь.

М. Тогда почему не уходишь? Работы больше нет разве?

Р. Бог его знает, есть, конечно. Привык. День рабочий в основном до пяти, редко когда задерживаемся, да и три дня отдыха, можно подкалывать. Я неплохой сварщик.

М. А в школе ты как учился?

Р. Если б хорошо учился – не работал бы сварщиком.

М. Понятно. А пишешь ты почти без ошибок.

Р. Почти? Значит, всё-таки есть ошибки?

М. Есть, но я стараюсь их не замечать. Правда, для филолога это трудно.

Р. А когда подруга твоя придет? Ты обещала фото.

М. Завтра, всё будет завтра. Только предупреждаю: я самая ordinaria, ничего особенного. Это на тот случай, если ты вообразил меня эдакой секси!

Р. Не верю. Чувствую, что ты интересная. Не в смысле – красивая, а в целом. Так тебе понравился мой скорпион?

М. Очень.

Р. А полные мужчины тебе нравятся?

М. У меня их не было.

Р. Значит, будут. Знаешь, секс с толстяком – это своеобразно, некоторые дамы просто заводятся. Ну, ты понимаешь...

М. Догадываюсь.

Р. Представь, что я кладу тебя на диван лицом ко мне, ты свешиваешь голову с дивана, касаешься губами моего тела, а я наклоняюсь над тобой, нежно целую твои ноги, а потом развожу их в стороны и зарываюсь лицом в твой пах...

Тянется пауза, ответной эсемеки нет. Семён уж подумал, не отказалась ли она от дальнейшей беседы на такую щепетильную тему, но наконец пришёл ответ.

М. Ты хорошо спал сегодня? Как ты спишь: на боку, на спине? Хотела бы посмотреть, как спят скорпионы. Интересно, а они храпят? Я не мешала бы, тихо села на корточки у кровати и поцеловала бы тебя в висок, как это делала твоя мама.

«Чёрт знает что! – расстроился Семён. – При чём тут мама?» Он так настроился на эротическую волну, вытянул ноги, чтобы просыпающемуся желанию было не тесно, а она всё сбила! Но он вернёт её в нужное ему русло, у него это получится.

Р. Храпят, храпят! Ещё как храпят! А сплю я на животе или на боку, подсунув руку под голову и согнув в колене ногу. Ты бы хотела оказаться рядом со мной?

М. А с другой стороны – твоя жена?

Р. Ты имеешь в виду любовь втроем? Пробовал я это. Очень даже ничего. А тебе нравится?

М. У меня этого не было. А что лучше: двое мужчин и женщина или наоборот?

Р. Мне больше нравится, когда две женщины и мужчина. Эстетичнее. И вообще, женское тело очень красиво, гармонично, не то что мужское.

М. Не скажи, мужчины тоже хороши, только по-своему.

Р. Люблю женщин.

М. И много у тебя их было?

Р. Я беру качеством, а не количеством.

М. А жену ты любишь?

Р. Зачем о грустном? Давай лучше о сексе. Нет, поздно. За мной уже приехали. Пишу тебе последнюю смс на сегодня. Сейчас приду домой и окунусь в эти серые ежедневные будни. Ты знаешь, работа для меня иногда становится отдушиной, маленьким праздником свободы от повседневности. Целую тебя, зайка!

М. Бр-р... Только не зайка! Терпеть не могу таких словечек! Я тебя тоже целую, Ротвейлер!

* * *

Светлана, старшая сестра Марины, была замужем, имела сына, отслужившего в армии, работала в торговле и с удовольствием путешествовала вдвоём со своей сестрой. Что делает мужчин друзьями? Общность интересов: вместе работают, отдыхают, пьют, ухаживают за женщинами, ругают жён и т.д. Что делает подругами женщин? Желание обсудить, обсмеять других

женщин. И, пожалуй, только Марина и Света, будучи двоюродными сёстрами, сблизилась не из этих причин, они были независимы, не собирались завидовать другим, жить только шопингами и сплетнями. В свободные дни, которые у них выпадали, собирались где-нибудь в пустынном месте, чтобы никого не видеть и не слышать, говорили по душам, смеялись, строили планы на будущее. Отдыхали тоже вместе, путёвок в санаторий не брали, дома отдыха обходили стороной. Рюкзак, палатка, небо над головой, утренний туман, оплетающий русло реки, недвижные огни буксиров по морскому горизонту, колокольные звоны Свято-Успенского храма Лавры, сосновый мёд раскалённого солнцем леса, кувшинки у самого берега, наполняющие воду жёлтым светом... И ты рядом, такой счастливый, такой открытый для мира, для жизни, для душевного покоя.

Кому можно рассказать о своей книге? Только своей сестре. Ей нравится идея знакомства через ЧАТ, ведь это же – интрига, лотерея, ожидание сна: каков будет его сюжет?

- Только ты осторожнее! – предупреждает она Марину. – Будут предлагать встречу – сто раз подумай, прежде чем соглашаться. Кто его знает, на кого нарвёшься.

Марина смеётся над подозрительностью подруги:

- Ну, что может случиться? Прямо шпионские страсти! Встретимся, поговорим. Не в постель же к ним полезу! Об этом даже разговора нет! Я же не дурочка!

- Тогда зачем всё это затеяла? Ради каких-то там разговоров? И что это за роман, если в нём никакого романа?!

- Свет, ты чего предлагаешь? Ты понимаешь, что говоришь?

- Стала огород городить – сади морковку! И ещё: вдруг влюбишься? Я тебя знаю! Вот вскружит тебе голову такой Ротвейлер – и всё, пропала подруга!

- Он сам признался, что женат.

- Ну, а если женат, зачем ему с тобой знакомиться? Что его тянет к тебе? Не бросит же он жену, Одессу, не приедет к тебе! Или ты на что-то надеешься?

- Светик! Ни на что я не надеюсь!

- Только мне этого не говори! Никто тебя не знает так, как я. Вон, глаза горят! Неровно дышишь! А ему только этого и нужно. Говоришь, женат, и любовниц полно, так ему ещё виртуальную подавай! Он тебе хоть раз счёт пополнил?

- Счёт? – глаза Марины укоризненно округлились. – А при чём здесь это?

- Значит, нет, – Светлана покачала головой. – Мариш, ты как ребёнок. Если мужик имеет к тебе что-то серьёзное, если ты ему хоть немного нужна – пойми, он обязательно будет дарить подарки, оказывать внимание, конечно, как умеет, как подсказывает ему фантазия, ну, ещё зарплата. А если он тебе постоянно пишет, и ты ему отвечаешь, то не может же он не понимать, что ты на болтовню с ним тратишь немалые деньги!

- Какая ты всё-таки ...меркантильная!

- Я просто рассуждаю трезво, у меня от мужского внимания голова кругом не идёт. У меня муж есть, и я этих мужиков вижу, как облупленных, как вот это яйцо, – кивнула она на разделочную доску, на которой Марина крошила яйцо. – Вот он, твой мужчина, как это бело-жёлтое чудо. Не зря их достоинство яйцом зовут! Все они такие, прохвосты яйцеголовые!

- Так ты сделаешь фото?

- Куда я денусь? Сделаю! Ты ему понравилась, не сомневаюсь.

Света разглядывала фото Семёна.

- Хорош! Сто килограммов! Такой обнимет – и костей не соберёшь. А если сверху ляжет!..

- Сестрёнка, не говори чушь! – Марина вспылила. – Он - в Одессе, я – здесь, куда ляжет? Кто сейчас об этом говорит?

- Не говорит? Значит, скоро скажет. Ещё и пришумит, будь здоров. Не говори тогда, что я тебя не предупреждала. Всё, раздевайся!

Марина оторопела:

- Зачем это?

- Буду тебя снимать. Не в этом же старом фартуке фотографироваться? Или ты думаешь, ему твои наряды нужны? Нет, милая, ему нужны формы, нужна твоя грудь. А грудь у тебя богатая, этого у нас не отнять. Пошлём твою грудь – и дело в шляпе, надолго испортим ему аппетит. От этих ста килограммов ничего не останется. Так ему и надо.

Вечером они работали над портфолио. Снимков нахлопали видимо-невидимо! Марина в лучах солнечного света, с намёком на черты, как отражение зеркала, в оранжевом цвете настольной лампы; лицо сердитое, искушающее, улыбающееся, разочарованное и излучающее страсть. На фоне белой стены и белой простыни, на вишнёвом одеяле и голубой подушке, на полу, среди рассыпанных лепестков красного тюльпана, за компьютером и в проёме двери, под деревом, запятнавшим фигуру солнечными бликами, на капоте машины, у забора, чья шероховатая поверхность интригует твои бёдра, на подоконнике, свесившись наполовину, на письменном столе, расшвыряв тетрадки и книги, напряжённо выгнув спину. И везде она была разной, какой-то новой, меняясь в зависимости от того, что её окружало.

Все снимки Светлана перебросила на её телефон.

- Будешь посылать своему Ротвейлеру,- сказала она и предупредила, - только не все сразу, растяни на несколько сеансов, пусть попускает слюнки.

- Думаешь, ему понравится? – засомневалась Марина.

- Ему? Понравится! И не только ему. Пошли ещё кому-то из своих телефонных друзей – и твоя книга не пойдёт, а побежит. Знаешь, сколько сюжетов друзья твои подкинут?

Марина выбрала первые три фотографии: котов на тумбочке, себя за рулём байка и себя же на пляже.

Ммс пошло, ответ не заставил себя ждать.

Р. Так у тебя коты? У меня тоже был кот, и я о нём до сих пор скорблю, он очень классный был! А твоя фотка прикольная, та, что на пляже, жалко, маленькая, подробностей и не рассмотришь. А как называется место, где ты живёшь? Я стою перед картой Украины и хочу посмотреть, далеко ли до тебя.

М. Далёко. Я из края бритоголовых.

Р. Не понял...

М. Из Донбасса. Края бандитов, как говорят оранжевые.

Р. Слава богу, а то уж я подумал, что ты с Соловков.

М. Нет, так далеко меня ещё не заносило.

Р. Так с тобой опасно иметь дело? Всё-таки край бандитов! А я оружие люблю, лет пятнадцать назад чуть не сел за ношение.

М. С кем я связалась! С уголовником!

- Вот тебе и клиент! – довольно хмыкнула Света. – Я тебе что говорила? Рыбак он, любит с удочкой посидеть, а сам, как пескарь, на женские фото поймался. А если ещё и подробности изучит – никуда он от нас не денется, герой романа! Жаль, жена его не видит, ох, сколько бы приятных слов на ночь от неё он выслушал! - Светлана засмеялась и похлопала по телефону. – Это не телефон, это предложение руки и сердца. Рассылай свои фото – и жди женихов.

А Семён всё писал и писал:

Р. Я хотел бы узнать, как ты решаешь вопросы своей интимной жизни. Если это слишком личный вопрос, то можешь не отвечать.

М. Что ты имеешь в виду? С кем я сплю? Сплю с кем хочу и когда хочу.

Р. Завидую. А я только со своей женой, в основном. Какие у тебя вкусы в сексе?

М. Секс без любви для меня не существует. А ещё не люблю презервативы. Хочешь, стану твоей виртуальной любовницей? Будешь мне писать? Я тебе ещё не надоела?

Р. Буду тебе писать. Для того, чтобы мне надоест, надо очень постараться. Да, я с удовольствием буду иметь ещё и виртуальную любовницу с надеждой когда-нибудь перевести отношения в реал. Кстати, презервативы я тоже не люблю, и в сексе для меня всё можно!

Светлана прочла эсэмеску и захихикала:

- В сексе для него всё можно! А что можно, если у тебя живот больше футбольного мяча? До чего же эти мужики любят хвастаться! А как до дела дойдёт – на один только раз и хватает, исполнил супружеский долг – и на бочок, лицом к стеночке. И храпит! Твой тоже любит храпеть?

- Любит. Только он не мой. У него жена есть.

- Жена – не стена, можно перепроектировать.

- Да ну тебя! – сердится Марина. – Вечно ты со своими подколами!

- Ха-ха! – растягивая слоги, отвечает Света. – Виртуальная любовница – это так современно! Интересно, а дети от такой любви рождаются? Или они тоже виртуальные?

- Спроси у него, – отмахивается Марина.

- Спрошу, а заодно узнаю: алименты-то хоть настоящие? Давай я отвечу за тебя.

Светлана берёт телефон и набирает:

М. Семён, хочу тебя!!!

Р. Сейчас? Но я не совсем готов, и приболел слегка, у меня простуда, кашляю. Ну, как я выдал? Аж самому понравилось! На самом деле я, как пионер, всегда готов. Как мы проведём прелюдию: бурно или нежно, романтично? Я же совсем не знаю твоих вкусов, привычек!

М. Узнаешь, милый, я всё тебе расскажу, – написала Света, Марина её остановила:

- Не надо!

Но Светлана не отступала и допытывалась у подружки, посмеиваясь над её сердитостью:

- Так как ты хочешь провести прелюдию? Нежно или бурно? Будешь щекотать его живот или кусать спину?

- Для начала я накормлю его собаку, – улыбнулась Марина, – и подружусь с ней. А уж потом дело дойдёт и до хозяина.

- Так что писать ему?

- Записывай, буду диктовать.

М. Слово «прелюдия» не очень мне подходит, словно это только подход к тому главному, что будет потом. А для меня всё важно: и вступление, и финал. Люблю, когда целуют мою грудь, но эрогенных зон там нет. Самые чувствительные у меня ягодицы, шея, спина. В мужском теле обожаю пупок, ключицы, грудь больше нравится не заросшая, хотя и «заросли» иногда – такой кайф!

- Класс! – восхитилась Света. – Посмотрим, Ротвейлер, что ты нам на это ответишь.

Р. Ты преднамеренно меня возбуждаешь? Я завожусь с полуоборота. Обожаю инициативу женщины! К сожалению, мужское тело не так эротично, как женское, и фото я могу сделать только в одном ракурсе. Если хочешь, обменяемся!

Минуты через три пришло ммс от Ротвейлера. Светлана открыла его и расхохоталась: в центре кадра красовался мощный фаллос, смуглый, упругий, напоминающий по форме ядрёный гриб. Подписи не было. Но следом за фото запищала и эсэмеска:

Р. Ты знаешь, я так привыкаю к тебе, что даже страшно. Увидеться б. Дальше-то что будет, Мариночка?

М. Мне тоже этого хочется (странно, но это уже не было враньём). В Одессе живут мои дальние родственники, иногда я у них останавливаюсь. Так что, можем встретиться.

Р. И ты рискнёшь? Даже зная, что я женат? А если понравишься мне, что делать будем?

М. Не будем говорить «если». Встретимся – тогда и поговорим.

Р. Хочу-у!! Буду теперь жить с этой мыслью. Она меня уже греет. А когда?

М. Летом. Раньше вряд ли. Хотелось бы, но не получится. У меня только летом отпуск.

Р. Ты переносишь баню?

М. Баню? Конечно. Станный вопрос. Ты что, собрался меня в баню пригласить?

Р. Да, я любитель попариться. Завернёшься в простынку, залезешь на полочку, на голову – колпак, и сидишь, балдеешь. А если ещё веником пройтись по бокам, по спине, а потом холодной водой окатить – мужская сила так и бьёт!

М. Ах, вот почему ты ходишь в баню! За мужской силой?! А потом сесть с другом, разлить по стаканам водку, закусить? Интересно, чем ты любишь закусывать. Ты гурман?

Р. Нет. Я люблю жареную картошку.

М. А я рыбу и овощи. И ещё арбузы. А жареную картошку – не очень.

Р. Я хоть и толстый, но в еде непривередлив. Как видишь, картошка меня вполне устраивает. Знаешь, Мариша, с твоим даром общения и умением создать настроение я что-то не верю, что ты одинока. Не обманываешь меня?

М. Нет, не обманываю. Я люблю сочинять, но не до такой же степени. А как я тебе на мотоцикле? Какой я штурман?

Р. Не знаю, как штурман, но девчонка классная. А как тебе моё фото? Почему молчишь?

М. Милый мой! Нет слов! И форма, и цвет, и упругость – всё супер! Почему ты так далеко? Приезжай ко мне! Эту встречу, клянусь, будешь помнить всю жизнь! (Играя роль, уже замечала, что нотки становятся всё искреннее и искреннее, и уже не понятно, где игра, а где чувства, всё переплелось и сроднилось. Неужели она начинает в него влюбляться?)

Р. Увы! Пора прощаться. Скоро мне уже домой. Сейчас помоюсь в душе и поеду. Не хочется прощаться с тобой. Мариша, я рад, что ты у меня есть. Честное слово.

М. Пока, Ротвейлер!

Марина отложила телефон и задумалась. Всё шло совсем не так, как она рассчитывала поначалу. В её планы входило только общение и бесстрастное наблюдение за ходом интрижки, а тут интрижкой уже и не пахнет. Как воронка, засасывали её смс, оплетали руки и ноги, сковывали движения воли, туманили голову. Или она так умеет вживаться в роль? Или это самовнушение? Что же это такое, чёрт возьми? Посторонний человек прокрался к ней в душу, поработил, стал частью её сознания. А ведь ещё не было ни разговоров, ни встреч, она даже голоса его не слышала. К чему всё это приведёт? Напишет ли она книгу – ещё не известно, но её собственный любовный роман уже не за горами. Сказать кому-то – посмеются. Не смеётся только Светлана, смотрит на неё, грустно улыбаясь, и молчит. Что тут скажешь? Ей всё ясно. Не ясно только Марине, куда заведёт её это общение.

Не ясно и Семёну. Он сидит в трамвае, просматривает телефонные сообщения, эти буковки, переполненные откровениями, Некоторые с сожалением стирает и произносит вслух, обращаясь к самому себе:

- Нужно купить карту памяти... Уничтожать такое рука не поднимается... Эх ты, Ганфайтер!

Прошёл месяц, но звонки всё продолжались. Звонили старые знакомые, но объявлялись и новые, которым просто необходимо было время для обдумывания: звонить – не звонить? Одни чувствовали себя уверенно, рассказывали обстоятельно о том, какие они сексуальные, как кипит в них энергия, а другие, видимо, краснели, бормоча в трубку, но перезванивали вновь и вновь, пока не надоедали хуже горькой редьки. И лишь Ротвейлер почему-то не надоедал.

* * *

Октябрь только начинался. Небо утром прозрачное, светлое, ни ветерка, ни дождевой капли – всё спокойно, размеренно.

Марина лежит в кровати, глаза открыты, но ничего не видят. В палате тихо, все спят, ещё рано, до утреннего обхода часа три.

Бабье лето в этом году такое тёплое! И никак не хочет кончаться! Листья на деревьях, как маскарадные костюмы, слишком яркие и ненастоящие, то там, то тут повисают на них едва различимые паутинки. Это бабье лето в который раз напоминает о другом лете, словно затерявшемся в какой-то иной жизни, не её собственной. Всё всплывает в памяти, кружится перед глазами, вызывая то упоение, то ностальгию.

В августе вместе с сестрой они ездили в Крым, расположились рядом с Семидворьем, в пустынном месте. Палатку поставили на обрыве под деревом. Откроешь полог – а перед взором море и убегающий в разные стороны берег.

Как приятно расположиться на камнях, горячих и гладких! Лежали молча, уходя в себя, прислушиваясь к себе. В обычной суетной жизни нет времени и желания себя услышать, понять, задать вопросы, что-то исправить, поплакать, если тяжело, или торжествуя улыбнуться. Есть связь с окружающими, а с собой – даже дорожка не протоптана. А сейчас ничто не нарушало этой связи, этого покоя: ни проходящие изредка люди, ни бестактное солнце, проникающее в самые укромные части тела, ни воркующие волны, подбирающиеся к ногам, сладостно вытянутым навстречу морю. Море... Любимое, дружески настроенное, то кричащее, то говорящее шёпотом... Отдыхаешь душой, и душа так откликается на морские сантименты!

Вечером они ушли в Алушту, долго гуляли по улицам курортного городка; рассматривали старые дома, укромные уголки, татарские кафе; ели мороженое, пили джин-тоник; слушали концерт рок-группы, развлекающий зевак на набережной; наблюдали за ребятами, танцующими брейк, а потом собирающими со зрителей деньги на пиво; пробовали салат из мидий, потом снова пили, но уже красное вино. К месту стоянки вернулись часа в два ночи, освещая путь телефонной подсветкой, так как фонарик забыли в палатке. Взобравшись по тропинке наверх, остолбенели: недалеко от их жилища что-то мрачно блестело. Ночь была очень тёмной, только приблизившись, рассмотрели, что это такое. Рассмотрев, струсили: метрах в пяти от их палатки стояло два крутых мотоцикла, явно байка, с лихими серебристыми дугами, навороженными рулями и притороченными сзади баулами. Их хозяева спали тут же, на земле, вштопорясь в спальные. Один наполовину высунулся из него, и голова его лежала прямо на земле, густые чёрные волосы закрывали лицо, не давая его рассмотреть. Парень устало посапывал, прямо храпел.

- Приехали! – огорчённо сказала Светлана и на цыпочках обошла спящих. – Принёс же чёрт таких соседей! Байкеры – они же дураки! Не будите спящую собаку, она рычит!

- А возможно, и кусается, - согласилась с нею Марина.

Как им спалось в эту ночь – лучше и не говорить. Совсем не спалось. Марина то и дело прислушивалась к звукам извне, но было тихо. Рассвет прозевали, встали не так рано, как обычно. Выглянув из палатки, Марина увидела сидящего под деревом парня с длинными светлыми волосами, собранными в хвост. Лицо его было озадаченным и расстроенным. Он поглядывал то на море, на уходящий вправо берег, то на чужую палатку. Кто там? – думалось ему. Умело разложенный костёр, котелок над ним, нарубленные и сложенные поленицей дрова подсказывали, что здесь должен был хозяйничать мужчина. И неожиданное появление из палатки двух интересных женщин серьёзно удивило его.

Первой выбралась наружу темноволосая стройная женщина с прекрасной фигурой, сильными руками, очень тонкой талией и крутыми бёдрами. Она игриво потянулась, взметнув вверх руки, тряхнула длинными волосами и кокетливо перевела взгляд на неизвестно откуда взявшегося соседа. Того даже в дрожь бросило от молниеносного взора чёрных глаз. «Вот тебе и мужчины, - подумал он. – А я так надеялся, что с мото нам помогут. Помогут, конечно, но в другом, если захотят...»

Ремонтировать мотоцикл байкеру сразу расхотелось. Не побежит он с утра пораньше, как собирался, в Алушту за этой чёртовой деталью, никуда она не денется. До вечера справятся.

Вслед за первой женщиной из палатки появилась и вторая. Эта была внешне не такая броская и интересная, но грудь и ноги у неё были шикарные. Так показалось Диме, второму же, Юрию, приглянулись её бёдра и пушистые светлые волосы, сильно выгоревшие на солнце. Кожа девушки была красивого бронзового цвета, плечи и спина слегка обгорели, поэтому казались темнее, чем остальное тело, на котором эффектно смотрелся ярко-голубой купальник. Видно было, что это уже не молоденькие девушки, а зрелые женщины: они не хихикали при виде байкеров, не стреляли глазками, не старались привлечь к себе внимание мужчин, но их сдержанное достоинство и полная уверенность в собственной значимости привлекали к себе сильнее любого кокетства.

Диме понравилась чёрненькая, она была резкой в движениях, эмоциональной, двигалась, как кошка, быстро и бесшумно. И в глазах – такой огонь! Его утренняя сонливость прошла, как первый сон. Юрий тоже заинтересованно наблюдал за соседками, но больше за другом.

- Понесло! – усмехался он про себя. – Теперь до Судака доберёмся не скоро!

Дело в том, что они ехали из Харькова в Судак, где 17 августа должен был пройти слёт байкеров, ожидался концерт любимых групп: «ДДТ», «Наутилуса», «Алисы», «Братьев Карамазовых», обещал выступить и Валерий Кипелов. И надо же было полететь этой чёртовой прокладке прямо под Алуштой! Они еле докатили сюда мотоцикл, увидев палатку, пристроились рядом, надеясь, что утром непременно починят и отправятся дальше. Теперь же все их планы рушились, а главное – желание что-то делать ослабевало.

Дима долго сдерживался, обходясь перестрелкой взглядов, потом поднялся и пошёл к дамам.

- Простите, - начал он тихо, стараясь не обнаруживать свой настоящий интерес, - нет ли у вас ножниц? Прокладку вырезать.

- Найдём, - откликнулась тёмненькая, - маникюрные только. Подойдут?

Юра хмыкнул: среди его инструментов были и ножницы, не зная этого Димка не мог. «Вот гусь! – восхитился он. – На лету придумал, да как складно!»

В Алуште жил Таракан, местный байкер, который первый собрал мото с головой таракана, большой, жёлтый, трёхколёсный. Своё детище он выводил на набережную и зарабатывал тем, что разрешал на нём и около него фотографироваться и катал желающих. На этом нехитром деле Таракан неплохо зарабатывал летом. Связавшись с Тараканом, парни успокоились, так как тот пообещал достать и доставить всё необходимое для ремонта.

Работа началась. Руки, лицо, ноги из-под шорт и сами шорты – всё было грязным, в масле и пыли; тряпкой, что служила ему и полотенцем, Димка пытался привести в божеский вид себя и мотоцикл. Взял у девчонок бутыл с водой, слил на лицо и руки, смочил волосы, чтобы не было так жарко, и улёгся в тенёчек.

Девчата ушли раньше, спустившись к морю. Их обнажённые тела намёком проступали из-за огромных валунов, рассмотреть что-то подробнее было трудно, бинокля с собой не было, а спускаться вниз по тропинке и смущать дам Димка не решился.

Ну, вот, мото готов, поломка устранена, можно бы и ехать. Эх, до чего же не хочется! Куда? Зачем? До слёта в Судак ещё несколько дней, это Юрке захотелось в Рыбачье, а там ни фига интересного. Как бы его попросить остаться ещё на одну ночь? Сказать – засмеёт! Будет потом подкалывать. Дима долго ходил, поглядывая на друга, пока решился на разговор.

- Что-то погода портится, - произнёс он, рассматривая небольшое облако над морем. – И ветерок поднимается, как бы не застал нас дождь на перевале.

Юрка уже понял, куда ветер дует, но поддержал друга:

- Да, похоже.

Надо сказать, что ветерок и вправду дул, не давая берегу расслабиться, но дождя он, конечно же, и не думал предвещать.

- Может, переночуем? – предложил Юра и взглянул на опешившего друга. - А завтра с утра и отправимся...

Показывать свою радость и невольное удивление Дима не стал, прикрыл веками сверкнувшие серые глаза и отвернулся к городу, словно любясь видом открывшейся панорамы.

- Хорошее место мы выбрали, - отозвался он. – Деревьев много, мото в тени, и город недалеко, можно за водкой сгонять, и пожрать охота. Эх, и выпил бы я сейчас пару стаканов!

- Ага, - согласился Юрка, - место хорошее. И интересные соседки под боком. Пора уже знакомиться. Да и палатку не мешало бы разбить, а то, как бомжи, огибаемся.

Димка не верил своим ушам. Дело, казалось, выгорело. Он бросил взгляд с обрыва: тёмненькая как раз выходила из воды, чёрный треугольничек на лобке заманчиво смотрелся на смуглом теле, где ничего, кроме морских капель, не было. Сердце парня конвульсивно сжалось.

Светлана отжала волосы, встряхнула ими, улыбнулась с видом уверенной в своей неотразимости женщины и бросила подруге:

- Я плохо вижу вдаль, посмотри-ка, что они там делают. Вроде, возятся возле мотоциклов.

Марина оторвала от камня голову и взглянула вверх.

- Что-то растягивают, какие-то длинные шесты. Удочки, что ли? Ой! - хмыкнула она. – Свет, да они палатку ставят! Честное слово!

- Всё, милая, якорь брошен. Я же тебе говорила: никуда они от нас не уедут. Готовься сегодня к ужину на четверых, будем вино пить. Надо вечером к татарам сходить, купить что-нибудь, внести свой паёк, так сказать.

- Ничего не понимаю, - Марина продолжала озадаченно наблюдать. – По-моему, они ставят две палатки. Зачем? Может, к ним ещё кто-то должен приехать?

- Почему две? – Света с сожалением посмотрела на сестру. – Я тебе объясню: это значит, что они рассчитывают провести эту ночь с нами. Две пары – две палатки. Что тут непонятного?

Женщины рассмеялись и, довольные развитием событий, с шумом и брызгами вбежали в воду, оставив за собой фонтанную дорожку.

Вспоминая всё это, Марина лежала на кровати и думала:

- Как хорошо было! Легко! Интересно! Прикольно! Какими они были свободными и счастливыми! Ни забот, ни болезней, ни угрызения совести, ни этих уколов и прыжков по ступенькам!

Ротвейлер вчера вечером, после работы, впервые ей позвонил. Голос его оказался очень несолидным, голосом подростка, а не 35-летнего мужчины. Он выбрался на улицу погулять с собакой и, воспользовавшись тем, что жена не слышит, набрал номер Марины. В трубке раздавался собачий лай, визжали пролетающие машины, был слышен девичий смех, Семён сказал кому-то:

- Идите, идите! А то она вас укусит!

- Аманда кусается? – не поверила Марина.

- Конечно, нет, - уверил её хозяин. - Но пусть эти девочки лучше об этом не знают. У меня собака хорошо воспитана. Просто ходят тут всякие, пристают: «Собачка! Собачка!» А она фамиллярности не любит. Я тоже. Между прочим, вечером с нею обычно гуляет наш Киндер, а мне захотелось твой голос услышать, вот я и нарушил традицию.

Марина не признавалась ему, что лежит в больнице. Зачем это нужно? Чтобы он её пожалел? Нет, ей хотелось быть в его глазах сильной, уверенной в себе. А больной человек вызывает только жалость.

- Где ты обычно отдыхаешь летом? - интересуется Семён.

- В Крыму, с подругой. Или ещё где-нибудь, подальше от дома. А ты?

- А я дома, но не отдыхаю, а работаю. Два года уже не беру отпуска. Если отпуск – это обязательно ремонт и безвылазно сидишь в квартире, дня на два только выберусь на рыбалку, и то со скандалом. Эх, поехать бы с тобой в Крым!

Он говорил, как здорово они бы провели этот отпуск вместе, а она вспоминала пролетевшие летние дни, Димку и Юрку, три палатки на обрыве, разбросанные утром на покрывале помидоры, пустые стаканы, банки из-под консервов, свой купальник, половину которого Димка подобрал на берегу через сутки, а ещё себя, странную, иногда такую непонятную и одинокую, но никогда и ни о чём не жалеющую. Ещё один кадр в её пёстрой жизни, кадр без любви и чувств, с одной только интригой и жаждой приключений. Куда её несёт?

* * *

- Пойду на разведку, - сообщила Света, поднимаясь с земли. – Надо же узнать, какие у них там планы.

- Иди, иди, - поддержала её Марина. Солнце сегодня было не навязчивым и хамским, как последнюю неделю, а очень даже ласковым, хотелось распластаться на этом каменном берегу, срастись с серой, розовой, желтоватой громадой, разнежиться, уйти в себя...

Пляж был нудистским, платным. Заглядывали сюда, правда, и обычные посетители, но редко, в основном те, кто любит загорать голышом. Пожилые толстые бабушки, как и их внуки, копошились на берегу обнажёнными, как первобытные люди, устраивали навесы из простыней или устанавливали зонтики. Девушки скидывали купальники, обнажая вызывающе торчащие холмики груди, поднимали фейерверки брызг и пены, снимали фотоаппаратом или камерой себя лежащими в воде, позировали, выталкивая из моря то острые коленки, то манящие косточки бёдер, то бритые лобки, белеющие над морской волною.

Марина любила приходить на этот пляж, она словно всякий раз сдавала экзамен, отбрасывая стыдливость и упрямые комплексы. Первые дни она никак не решалась освободиться от купальника, только к концу недели, вздрагивая и озираясь, сняла бюстгальтер, подставив солнечным лучам и мужским взглядам крупную, упругую не по годам грудь с большими розовыми сосками. Постеснявшись ещё некоторое время, отказалась и от плавок, загорала голышом, но, входя в воду, всё же натягивала на бёдра уже кажущийся ненужным голубой треугольник плавок.

Сегодня, оставшись одна, без подруги, решила подольше поплавать. В обед она ходила к массажистке, та добросовестно размяла её позвоночник, и спина казалась сильной и надёжной, прилив сил был так велик, что она не сомневалась: одолеет такое расстояние, что только держись! Вот разве что полежит ещё немножко на бережке, никак от него не оторваться!

Справа от Марины загорают двое: одному лет тридцать с хвостиком, другому – едва ли исполнилось восемнадцать. Красив, сукин сын! Волосы серебристо – русые, выщипанные, волнами спадают на гальку; глаза – глубокие, сине-голубые, влажные, смотрят – словно раздевают тебя, вытягивают душу. Вот только не замечает он никого вокруг, кроме лежащего рядом друга. Оно и понятно: голубые! Но вот друг оставил парня и пошёл поплавать.

Марина вытянулась на правом боку, лицом к парню, глаза её прикрыты, тело нежится под полдневным солнцем, но состояние отрешённого покоя почему-то не приходит к ней. Размечив веки, видит обнажённое тело лежащего перед нею юноши, она невольно краснеет и переводит взгляд на лицо парня – не заметил ли он её случайного любопытства?! Парень улавливает её взгляд и тоже поднимает глаза навстречу, так они и лежат, рассматривая друг друга, только в её взоре – удивление и смущение, а в его – желание соблазнить, заставить смотреть на себя и отсутствие всякого стыда.

И в этот самый неподходящий момент из воды появляется друг. Всё поняв с одного только взгляда, он переполняется злостью и обидой от унижения, подскакивает к своему коврику, подхватывает его и, что-то бросив через плечо своему неверному другу, мчится с пляжа, спотыкаясь о горячие крупные камни.

На лице у оставшегося парня улыбка, обнажающая ровные белые зубы, растягивающая в два розовых лепестка пухлый рот, а глаза делающая дрожащими голубыми озёрами, в которых плавают искры насмешки и вождения. Да, такому только попадись!

Марине становится неприятно от всего, чему она стала свидетелем. Гомосексуализм – это то, чего она никогда не принимала и не оправдывала. Лежать и дальше так близко от этого развратного создания, с интересом разглядывающего её, Марина больше не может, она подхватывается и торопливо входит в море. Ох, уж этот нудистский пляж!

Заплывает далеко, желтеющий телами берег остаётся где-то в полумиле за её спиной. Оглянувшись, понимает, что перестаралась, надо возвращаться, не дай бог судорога стянет ногу или ещё что случится. Только подумала – и охнула: спину словно проткнули металлическим прутком, боль пронзила позвоночник от шеи до самого копчика, потом уплыла куда-то влево, захватила бок и полностью обездвижила. Марина не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Мысль, что она умирает, пришла неожиданно спокойно, она словно смотрела на себя со стороны и грустно качала головой: ничего, родная, это вовсе не так страшно, как представляется человеку, мгновения мучений – и вечное спокойствие. 40 лет – наверное, это всё-таки много, уходить надо, не жалея о прошлом и не огорчаясь, что не будет будущего. Но ей всё равно было так обидно! Не страшно, а именно обидно. Почему сейчас? Почему не вчера? Или, скажем, завтра? Кто это решает? Сейчас, когда она задумала книгу, когда решила испытать все козни любви! И в море, которое она так преданно любит! Впрочем, хорошо, что в море – никаких похорон, гробов, поминок с пьяными рожками и лживыми речами над сдвинутой крышкой. Ничего этого у неё не будет. И не будет тело её тлеть в земле, а распадётся на мельчайшие частички, она согласна подарить его морю.

Марина смогла перевернуться на спину, отдышалась, свободно раскинула руки и ноги и с радостным удивлением осознала: лежать так можно. Что бы это могло быть? Почему такая боль? Может, почка? В левой почке у неё поселился камушек, года два назад его увидели при УЗИ, но она так и не стала им заниматься, лечить, растворять, выгонять. А ну его! Пускай себе сидит, раз уж так хорошо устроился.

Минут через десять попробовала пошевелить руками – боль не стихала, но перестала быть резкой и мучительной, можно было попробовать двигаться в сторону берега.

Когда ей удалось достать до камней, и она ощутила их скользкую поверхность под ногами, перевела дух, перекрестилась и прошептала:

- Боже, неужели жива?

Подняться по ступенькам вверх сил уже не было, поэтому она осторожно легла на гальку, зарылась лицом в горячие камни и закрыла глаза. Всё казалось ей в эту минуту чудом: и внезапно давший возможность двигаться приступ, и прилив сил, неизвестно откуда взявшийся, и этот родной, желанный берег, такой тёплый, такой дорогой, что сердце сжималось от радости!

Вспомнила, что в рюкзаке телефон, набрала номер сестры и слегка охрипшим голосом произнесла:

- Светок, принеси мне воды и таблетку от боли.

- А почему не хочешь прийти? Тут мальчишки нас...

- Не могу, - перебила Марина, - просто не встану. Принеси, пожалуйста.

Больше Света ничего не спрашивала, очень скоро её голова свесилась с парапета; обеспокоено взглянув вниз, она махнула рукой и тотчас сбежала по ступеням на пляж.

Сейчас, лёжа в палате, Марина вспоминает все подробности своих летних приключений и думает о том, как иногда бывает в жизни. Там, в море, она испугалась и отчаялась, потом взяла себя в руки, перетерпела и смогла доплыть до берега. Она переборола себя и оказалась сильной в такой сложной ситуации. Но опять у неё та же проблема: камень в почке, сдвинутый с места ещё в августе, сейчас только вышел из неё и, продвигаясь по мочеточнику, застрял недалеко от мочевого пузыря, так и не показавшись в нём, зато остановил работу почек. И

опять она не умерла, опять справилась с болезнью, попала в эту больницу и уже две недели здесь. Снова борьба за жизнь, снова сила воли, без которой просто никак! А камушек, гад, на месте, не хочет покидать её тело. Но ничего! Она справится, потому что она – Ганфайтер!

Летят дни, такие однообразные в этом хирургическом отделении! Скука! И единственное, что не даёт ей хандрить, - общение с Ротвейлером и приезды сестры.

* * *

Едва Марина проснулась, как затрещала смс.

Р. Расскажи ещё что-нибудь о себе. Что ты любишь в постели?

«Эк его разобрало! – усмехнулась Марина. – Только о постели и думает.»

М. Люблю 69 и квик.

Р. А что такое квик?

М. Это быстрый, неожиданный секс. Представь: едешь в лифте с женщиной, возбуждаешься и всё успеваешь сделать до своего этажа. Один нюанс: женщина в лифте тебе незнакома.

Р. Век живи – век учись. Везёт тебе, ты сейчас дома, выходной, а я тут вкалываю с самого утра, и конца работе ещё не видно.

«У меня выходной, везёт», - вздохнула Марина. Знал бы ты, Семён, что я лежу в больнице, что меня едва спасли, не говорил бы так. Не хотела она раскрывать ему правду о больнице, потому что сама её накликала. Сколько раз замечала: если соврешь кому, что больна, обязательно заболеешь, и уже не понарошку.

Как-то в конце сентября она вдруг решила пошутить и послала Семёну фото и смс следом, детский стишок без всякого тайного смысла: «У меня зазвонил телефон. «Кто говорит?» - «Слон». Ничего вызывающего или обидного, но только послала она его ночью, в четвёртом часу. За несколько минут до этого в её телефон пришёл отчёт о доставленном сообщении, подумав, что Семён рано проснулся и просматривает телефонную почту, она, не задумываясь о последствиях, отправила своё сообщение и довольно хихикнула про себя: вот удивится или посмеётся, когда прочтёт.

Ответ не замедлил явиться, но был он вовсе не таким, как она ожидала. Её передёрнуло от злых и хлёстких слов.

Р. Ты что, издеваешься? Я тебе говорил, что женат? И зачем эти эсемеки среди ночи? Ты добиваешься неприятностей для меня? Ревности?

Как это было не похоже на всё, что он писал раньше! Куда подевался его джентльменский тон? Его восхищение всем, что она пишет и говорит? Сон тут же рассеялся, Марина упала на кровать и заплакала, со злостью кусая губы. Кот Томас посмотрел на неё в недоумении и даже немного отодвинулся от хозяйки. Подлец! Какой подлец! Женат он, видите ли! Ночью его нельзя беспокоить! Бойтся свою жёнушку; как червяк, мечется под её каблуком. И чего, спрашивается? Полностью его оплела, всё проверяет, в телефон заглядывает, никуда надолго не отпускает, а он дома всё делает, чужого ребёнка воспитывает, а она от него даже не хочет родить! Поздно, говорит, а самой ещё сорока нет. Вот она, Марина, родила бы, если бы он захотел, хотя ей уже сорок. Но ведь не захочет же, придурок!!

«Ну, погоди! – решила она. – Я ещё отыграюсь! Я сделаю так, что ты пожалеешь о своих словах!»

Она решила промолчать сейчас, проглотить оскорбление, а ответить утром. Нет, она не будет резкой и ядовитой, как он, она будет тихой и несчастной, как обиженный козлёнок, даст ему понять, как он виноват, а потом сделает всё, что в её силах, но влюбит его в себя. Её, Марину, никто не смеет обижать и унижать, никто не может безнаказанно её игнорировать, она – лучшая!

Думала так и сама в это не верила. Утром написала:

М. Семён, я по ночам много работаю, пишу. Вдруг пришло сообщение, что ты извлёк какую-то мою смс (или ммс). Я решила, что ты так рано отправился на работу, и перебросила тебе приготовленные с вечера фото, а следом смску. Я не хотела доставить тебе неприятности, тем более ссорить с женой. И если я мешаю – скажи, я не буду больше писать. Спи спокойно.

Р. Спи спокойно, дорогой товарищ... Так говорят покинувшим нас навсегда. А я хочу продолжать с тобой общаться, но желательно не ночью.

Да, ответ пришёл сразу же, понял, что виноват. Ага, испугался, Сёмушка! Дошло, наконец, что она может порвать с ним! Крючок, может, и не вытянул рыбу на поверхность, но засел надёжно. Этим пробным камешком она выяснила, что интерес к ней довольно силен, отказаться от неё он уже не захочет.

Теперь можно и на дно залечь, помолчать, затаиться, поиграть с ним, пусть вину свою осознает, а ещё лучше – его разыграть. Как? Неужели у неё фантазии маловато?

Неделю она ему не писала, на его смски не отвечала, а он забрасывал её вопросами: Почему молчишь? Ты что, обиделась? В пятницу Ротвейлер варил борщ, резал лук, отворачиваясь и тыльной стороной ладони стирая надоедливые слёзы. И жена, и тёща не касались приготовления обеда, если Семён брал это на себя – зачем лишний раз утруждать себя неприятной работой, если находятся желающие сделать её за тебя?

Елена после той ночи ходила злая, зыркала, когда у него звонил телефон, всё посматривала на выражение его лица, когда он начинал говорить. Объяснение, что кто-то ошибся номером и прислал ему глупые стишки, на неё не действовало. Такой даме только в НКВД служить, выколачивать из несчастных признания.

- Ну, так что, с того номера больше ничего не было?

- С какого? – притворился непонимающим Семён.

- Да с того, с ночного. Стишков больше не было? Как там твои Чуковские, не кропают?

Семён порезал палец и обсосал его, с раздражением швырнул нож. Вечно говорит под руку! Лучше бы сидела в своём кресле да тарасилась в ящик! Елена улыбнулась и сочувственно дала запоздалый совет:

- Осторожнее с ножом! А то пальцы обкорнаешь!

- Будешь сама готовить! – вспыхнул муж.

- Ах! Ах! Ах! Испугал! Я буду готовить, а ты опять за свой телефончик?

- Чего ты к нему прицепилась? Мне что, уже и поговорить ни с кем нельзя? Я цепной пёс для вас?

- Говори, кто тебе мешает? Цепной пёс, говоришь? Взрослый мужик, а как ребёнок маленький – то эсемесочки кропаешь, то с собакой сюсюкаешь!

- Не трогай Аманду!

- Да провались ты со своей Амандой! Просто смешно на тебя смотреть, как ты её по врачам таскаешь!

- Она больна! И ты это знаешь не хуже меня.

- Больна, не спорю; вы оба – больные! Подумаешь: собака похудела!.. А ты сразу – больна.

- У неё аппетита нет! Посмотри – лежит всё время, а ведь она не старая.

- Моя мама тоже любит лежать – так она что, больна?

- Твоя мама любит не только лежать, но и хорошо кушать. Она...

Но тут Елена схватила со стола полкочана капусты и запустила в мужа, угодив ему в плечо, от боли он выронил разделочную доску и схватился за ушибленное место, доска же больно рубанула по мизинцу ноги. Да! Могла бы и по голове грохнуть, с такой станется! Истеричка! Как только мамы её коснёшься – берегись!

И в этот момент зазвонил его телефон. Елена вмиг оказалась возле него и ответила, прежде чем Семён успел положить доску на место.

- Алло, - отозвалась она своим металлическим тембром, но неожиданно услышала молодой мужской голос:

- Можно Семёна к телефону?

- Тебя, - передала Елена телефон и, усмехнувшись, добавила, - Ориентацию меняешь?

Семён с недоумением прислушивался к незнакомому голосу. Кто бы это мог быть?

- Это Семён? Меня просила позвонить Вам одна ваша знакомая, Марина.

- Что-то случилось? – испугался он. Чтобы Елена не слышала их разговора, вышел на балкон и плотно прикрыл дверь.

- Не волнуйтесь, - продолжил парень, - она жива, лежит в больнице, её машина сбила. Телефона у неё сейчас нет, как только разрешат – она Вам позвонит.

- Кошмар! – воскликнул он. – Передайте ей: я желаю скорейшего выздоровления! И жду её звонка.

Парень отключился, а Семён всё ещё держал в руках телефон и смотрел на потухший экран, потом уселся на небольшой, сколоченный из досок столик и задумался. Вся улица была перед его глазами, с третьего этажа хорошо было видно берег, море, маленькие полупустые лавчонки с пёстрым товаром, снующих туда – сюда людей, пожелтевшие тополя с несуразными ветками, напоминающими стойки вешалки. На карнизе сустились воробьи, подбиравшие какие-то крошки.

Вот тебе и поворот! Он ждёт её звонка, а она – в больнице! А могло её уже и не быть в живых. Он считал бы, что она обиделась, не хочет с ним общаться, а её просто не было бы. Не было бы? Как это страшно! Как можно было бы жить дальше? Телефон у неё забрали – значит, дела серьёзные. А он, дурак, сколько дней промучился, протрадал, решив, что она его бросила. И так тошно стало, так паршиво на душе! Неужели она так много для него значит? Эта странная женщина, живущая где-то там далеко, которую он никогда не видел? Вот к чему могут привести эти телефонные, вроде бы виртуальные романы, а на самом деле – серьёзные, меняющие весь уклад жизни!

А Марина в это время ни в какой больнице не лежала, и никакая машина её не сбивала, всё было чистой воды розыгрышем. Сын сестры Кирилл заглянул к ней, чтобы узнать, когда придет его мать, не звонила ли, потому что его не было дома, а телефон он оставил в квартире знакомой девчонки. Увидев парня, Марина встрепелась, у неё родился план, помочь его осуществить она решила попросить Кирилла. Дала ему номер телефона Ротвейлера, объяснила, что сказать, а сама внимательно слушала, что будет дальше. Знала, что Семён расстроится, будет переживать. Пусть! Она тоже переживала, когда он прислал ей ночью тот плевок, иначе его эсемеску и не назовёшь. Марине было хорошо слышно, как Семён охнул, как занервничал и стал переспрашивать Кирилла о ней, его баритон хорошо был слышен даже на расстоянии.

А теперь она ещё и трогательную историю придумает. Например, торопилась утром на работу, набросила плащ, повесила длинный шарф на шею, узлом завязать, как обычно, не успела – накинула на плечи, концы свободно покачивались в такт её шагов. На дороге, которую она переходила, сидела маленькая рыжая собачка с пушистым хвостом, грызла кость. Откуда ни возьмись – машина! Но животное так увлеклось неожиданно доставшимся завтраком, что продолжало грызть, не замечая летящей машины. Марина кричала, махала руками, но собака, видимо, была глуховата, она никак не реагировала на старания Марины. И тут она, доброе существо, метнулась к собаке, чтобы прогнать её с дороги. Испугавшись, собачонка подхватила косточку и пустилась наутёк, а её, спасительницу, сшибла машина. Нет, лучше не сшибла, а зацепила конец шарфа, натянутый шарф увлёк её за собой, раскрутил и слетел с шеи, а сама она, потянутая автомобилем, долго сунулась по асфальту, пока не осталась лежать на дороге, потеряв сознание. Чем не история для настоящей героини? И вроде, всё правдоподобно. Семён услышит её и пожалеет о своём хамстве, может, даже захочет с нею встретиться...

Когда Света услышала про это ДТП, долго и звонко смеялась, поглядывая на довольную проделкой сестру, потом наконец сказала:

- Знаешь, что мне больше всего нравится в этой истории? То, что ты в свои афёры начала вовлекать моего сына. Никогда бы не подумала, что он на такое согласится. И что там теперь твой Семён?

- Ждёт, когда мне разрешат пользоваться телефоном и я с ним выйду на связь, хочет голос мой услышать. Представляешь, он поверил?!

- Да... Лихо закручено! Умница! Моя школа! Из тебя получился бы настоящий писатель!

- Почему?

- Потому что ты врешь безбожно – и тебе верят! Другие правду говорят, а им верить не хотят. Я тебе вот что скажу: мне нравится всё, что ты делаешь! Проучить мужика – святое дело. Пусть в следующий раз думает, что женщине писать. Так, говоришь, шарф тебя спас?

- Представь себе! От чего зависит жизнь человека?! А завязала бы шарф – задушил бы, как Айседору Дункан.

- Не судьба, значит. Как думаешь, всплкнёт? Толстые обычно слезливые.

- Не знаю, но помолчу ещё три дня, чтобы созрел.

- Он-то созреет, да толку! Зрелый плод не тебе достанется. Были бы ближе – давно бы встретились.

А через неделю Марина и вправду угодила в больницу, в хирургическое отделение, но уже без романтических историй: камешек, выйдя из почки, застрял в мочеточнике, и лежит она теперь, горемычная, в палате № 6. Даже с номером палаты пошутила с ней судьба. Только Семён об этом ничего не знает.

* * *

Как мучает зависть, когда попавшие в больницу после тебя выписываются, а ты... ты всё в той же палате, на той же кровати, и не известно, что ещё ожидает тебя, выйдешь ли ты отсюда вообще. Глянешь в окно: сосны перед больницей красуются на фоне пёстрых деревьев и кустов, гордясь собственным постоянством. Щегольство-то какое! Вы, дескать, желтеете, краснеете, обнажаетесь, а мы всегда в форме.

- Дует что-то, - жалуется бабушка Нина, натягивая на себя одеяло. – Прикрыла бы окно.

Марина со вздохом хлопает створкой и садится на кровать. Когда её поместили в эту палату, она была совершенно пуста. Выбирай любую койку! И она выбрала место у окна, поближе к жизни и свету. Огляделась - шесть кроватей, шесть тумбочек, пара стульев и две вешалки. Обстановка не ахти какая, но болеть можно. Теперь в палате их шесть: Марина, бабушка Нина, Лена, Люба, ещё одна бабушка, но уже Рая, и двенадцатилетняя девочка Настя. У каждой своя болезнь и своя судьба.

Настю привезли в больницу после урока физкультуры, бежала три километра и на последнем круге, стараясь вырваться вперёд, в броске упала. Нога как-то неестественно осела, потяжелела, сначала не сильно болела, а дала знать уже вечером, когда девочка вышла погулять с подругами. Что с ногой – врачи пока определить не могут. Если бы только нога – ещё ничего, а то голова болит, температура держится на отметке 39 и ни в какую не желает падать. Настя первый раз в больнице сама, без родителей. И скучно, и страшно.

У бабушки Нины – «рожки» на голове, так называет она жировики. Предстоящая операция, которую обычно делают амбулаторно, пугает её. Она уже прониклась сочувствием к себе и всем жалуется на ожидаемые страдания. Маленькая, кругленькая, с карими любопытными глазами и небольшими усиками над ртом, бабушка Нина вызывает не жалость, а всеобщее внимание, поэтому многие в палате подтрунивают над нею.

У Любы – почки шалят, откуда-то взялся песок. Она сама медик, стоматолог, и муж её тоже. Наведывается к ней через день, спускаются вниз по лестнице и стоят у окошка. Глянь на

неё – вся расцветает Люба с появлением мужа, и пятидесяти лет словно не бывало. Как любовь может тлеть так долго?

Лене уже сделали операцию, удалили жёлчный пузырь вместе с камнем. Неунывающая, боевая, она постоянно шутит и покрикивает на мужа, который на семь лет моложе неё.

Бабушка Рая невысокая, худенькая, в очках, от которых глаза её кажутся огромными. Очень сентиментальна, часто плачет и постоянно благодарит Марину за помощь. А что? Разве так уж сложно для неё сбежать в аптеку поликлиники, купить что нужно, или на улицу, в ларёк, где торгуют булочками, кефиром? Надо свозить Настю днём в туалет – Марина катит коляску, усаживает девочку и сопровождает по коридору, а ночью поможет взобраться на судно и вынесет в туалет, не морщась, потому что болезнь делает людей добрее и ближе друг другу.

Кто-нибудь замечал, как смягчаются злые в больнице? Как деловые и уверенные в себе смиренно ждут заключения врачей? Как богатые, у которых «всё схвачено», леденеют при оглашении приговора? В больнице всем распоряжается высшая сила, провидение, Господь (для тех, кто верит). Ничего не зависит ни от больного, ни от врача, врач – только орудие в чьих-то невидимых руках.

Марина в этой палате уже неделю. Изменений нет. Ничего страшного ей не говорят, но и хорошего тоже, отмахиваются одним словом: наблюдать. Сколько же можно наблюдать? А дома мама, собирающая каждую копейку и передающая дочери на лечение; приходящая полить цветы, накормить кота, который никак не хочет перебираться на время болезни хозяйки к её матери. Ох, и дорогое же это лечение! А ещё достаёт диета, нельзя ни копчёного, ни жирного, только больше жидкости, арбузов. Самое смешное в лечении – прыжки по ступенькам. Врач так и сказал:

- Скакать ежедневно со ступеньки на ступеньку!

Она подумала, что он шутит, но шутка оказалась медицинским методом. И дни превратились в сплошные скачки кенгуру. К прыжкам Марина добавила лёгкий бег вокруг корпуса, по аллеям парка, отжимание от низких подоконников и занятие с гантелями. Вид гантели в руках больной врач пережил с рождающимся нескрываемым интересом к пациентке. Может, хоть это поможет ей отвлечься от болезни?

Отвлечься её заставила очередная эсэмеска Ротвейлера.

Р. Скоро иду домой, спешу наобщаться. Я уже не знаю, как обходиться без общения с тобой... Мне этого не хватает. Скучаю я без тебя.

Марине вдруг захотелось признаться ему в том, что она старше. Будь что будет!

М. Семён, я тебя обманула. Не нарочно. Я старше тебя. Наверно, это диагноз всех женщин после 30-ти – стесняться возраста. Я совсем не стесняюсь, но тебя не хотела пугать. Ты не сердись? Вчера перечитывала все твои смс, от самой первой до последней. Такой накал и нарастание страстей, что у меня уже рождается сюжет для новой книги. Ты не против стать её героем? Жаль, что мы так далеко друг от друга, встретились бы, поговорили...

Р. Зря скрывала! Я уже говорил, что у меня с этих проблем нет. А сколько тебе? Я думаю, что у нас настолько доверительные отношения, что можно задавать подобные вопросы. Да и выглядишь ты на все 100%! Мне нравится. Да, летом или весной встретимся, это уже решено.

М. Приеду – глянешь сам в паспорт. Ты словно не обо мне говоришь. У меня длинный нос, рот небольшой, нет сексапильных выпуклых губ, грудь большая и живот не плоский (толстой раньше была). И вдруг – на 100 % выгляжу?! Откуда? Это иллюзия. Мне 40.

Р. Странно! Выглядишь намного моложе меня! Впрочем, дела это не меняет. Встреча должна быть. В смысле – состояться! Хочу-у-у!!

М. Скучаю я по тебе, скорпиончик ты мой.

Р. Я тоже по тебе скучаю, котик! Кстати, ложь тебе не к лицу. Надеюсь, что это было в последний раз.

М. Ладно уж, моралист! А кто говорил, что спит по выходным дням? Забыл? Так что, 1:1. Сём, ты ревнивый?

Р. Да, я ревнивый. Я скорпион, понимаешь? К сожалению... Ничего не могу поделать. Жалю сам себя. О чём бы ни говорил – а к тебе возвращаюсь. Жить буду, хочу-у тебя! Эх, не умеешь ты читать мои мысли!

М. Почему же не умею? Я и мысли твои знаю, что ты делаешь и что у тебя дома – тоже знаю. Я ведь гадать умею. Запомни: твоё сердце на моей мишени, и не надейся, что я промахнусь, ведь я – Ганфайтер! Ты веришь в любовь?

Р. В таком случае я - киллхантер. Верю в любовь, она есть на свете! А в твои способности не верю, я бы их почувствовал. Ты мне очень интересна, Мариночка. И, если честно, я ревную тебя ко всем твоим телефонным друзьям. Знаю, что не имею права ревновать, ведь я женат, а всё равно ревную. Вдруг ты не только мне, а и другим мужчинам пишешь такие смс и шлёшь фото со своим телом?! Скажи, ты со многими общаешься? Я не обижусь, мне просто интересно.

М. Общаюсь, конечно. С Юрой, например, он говорит, что я хороший собеседник и что у меня завораживающий голос. А Радик общается в стиле «секса по телефону». Но жду я только твоих сообщений (или этого не нужно было писать?) Сём, когда мы встретимся с тобой – что ты сделаешь?

Р. Скажу: «Здравствуй!» А писать нужно было, я же предупредил, что не обижусь. К этому ревновать я не имею права. А ты меня завела.

М. Что значит «завела»?

Р. Завела – в смысле возбудила. Сам не понимаю, как это можно делать всего лишь словами на таком расстоянии.

М. Ты что, заводишься от чужой близости? Это тебя возбуждает?

Р. Нет, не чужая близость, я не извращенец. Но от тебя я завожусь. Хотя я достаточно хорошо контролирую свои эмоции, даже с диким желанием я могу отказаться от женщины, если мне что-то не понравится. А вообще мне очень нравится доставлять удовольствие женщине, при этом властвуя над ней. Я не слишком откровенен? Жду ответа.

Она послала ему пару строчек и быстро уснула. Проснулась, села в кровати, вздохнула и откинула одеяло. Чёрт знает, что снится! Лежать и дальше стараться заснуть она уже не могла, набросив на плечи кофточку, Марина обула мокасины и вышла в коридор. Отделение хирургии расположилось на втором этаже, со второго на первый вела широкая тёмная лестница с перилами, по которой она каждый день прыгала. Все больные спали, спала и дежурная медсестра, но в ординаторской, тишину в коридоре нарушали только небольшие часы на стене.

Напротив Марининой палаты лежал армянин с циррозом печени, он медленно умирал. Около него постоянно находилась жена, а в коридоре, сменяя друг друга, дежурили дети, родственники, друзья. Каждую ночь здесь можно было увидеть тревожно – скорбные армянские лица.

Марина неслышно спустилась не первый этаж, открыв двери, выглянула на улицу: там шёл дождь, лужи у ступенек стали объёмными, такими, что не переступишь, и новые капли, попадая в них, пузырили поверхность. Странно, но этот дождь не успокоил, а, наоборот, обострил её возбуждение. Запахнувшись халатиком, под которым были только миниатюрные чёрные трусики, она в каком-то непонятном бессилии опустилась на корточки, падающие дождевые капли делали её тело вялым и податливым, просто тающим на глазах. Она не слышала ничего, кроме мерного постукивания дождя, даже не уловила лёгких шагов за её спиной. Ласковые мужские руки трепетно провели по её волосам, слегка сжали её голову, растревожили шею, и она не удивилась, не вскрикнула, даже не вздрогнула от прикосновения, а, закрыв глаза, стала ждать продолжения, как в том сне, из которого только что выбралась.

Кто он, её соблазнитель? И как очутился здесь, у двери? Или он почувствовал что-то и пошёл следом? Где же он был, почему она его не видела? Странно... Она запрокинула голову, поймав губами палец, захватила его подушечку, пахнущую какими-то сигаретами, и слегка прикусила. Перед глазами проплыла узкая белая рука, заросшая у кисти чёрными волосами, ногти были бело – розовыми, аккуратно подстриженными, на запястье блестели золотые часы. Вдруг руки взметнулись, ухватили её за волосы и с силой притянули к мужским коленям, затылком она ощутила, что и ногам передалась дрожь желания..

А дальше всё произошло очень быстро. Её подняли, распрямили и спиной прижали к себе сильные мужские руки. Удивительно, но ни холода, ни стыда она не ощутила. Обернувшись, она увидела, что рядом с нею стоял мальчик лет восемнадцати с длинными чёрными волосами, носом с горбинкой и пунцовыми губами, она видела его пару дней назад в коридоре, он приходил к умирающему отцу. Как же так? Отец умирает, лежит в агонии, мать со слезами ухаживает за ним, родственники толпятся каждый день то в коридоре, то в холле на первом этаже, а он, сын, воспользовавшись её состоянием, идёт следом! И ведь, шельмец, не может не понимать, что она намного старше! Как же потом смотреть в глаза друг другу? Но голос стыда и раскаянья, на мгновение заговоривший где-то далеко в подсознании, стихает очень быстро, как шум дождя, ничего не может изменить в этом потоке страсти, он только подстёгивает её и его. Она заглядывает в бездну чёрных мальчишеских глаз и видит там только одно: желание! Он кружит её на пороге, то прислоняет к стене, то кладёт на колени, умудряясь не оторваться губами от её тела, то поворачивает к себе спиной, обхватывая жадными руками холодную грудь. Опасаясь быть застигнутыми врасплох любим, кто выйдет из здания или подойдёт к нему, они, промокнув насквозь, продрогнув, но успокоившись, возвращаются в больничный холл, и только, перешагнув порог и хлопнув тяжёлой дверью, внимательно и с интересом рассматривают друг друга. Парень ласково касается ладонью Марининой щеки, отбрасывает с её лба густую чёлку, а она скромно опускает глаза, но эта вновь примеряемая на себя скромность уже не может обмануть, под нею, как оказалось, скрываются порывистость и бешеный нрав. И в этот момент из коридора второго этажа доносится крик боли и щемящее женское причитание.

- Отец, - вздрагивает парень и, не глядя больше на неё и совершенно забыв о её существовании, несётся по ступенькам вверх.

«Умер», - понимает Марина и в ужасе рассматривает своё отражение в стекле двери. Она ли это? Смотрит на себя в мокром халате, со сбившимися волосами, и не узнаёт. «Что он теперь обо мне думает? – всё задавала она себе вопрос. - В то время, как отец умирал, он тут, со мной...» Постояв ещё немного на лестничной площадке и переждав крики, всхлипывания, послесмертную суету, она наконец добирается до своей палаты и проскальзывает под одеяло, сбросив с себя мокрый халат. Его она видит мельком, он даже не смотрит в её сторону, на лице – искренняя печаль и отчаянье.

Такого в её жизни ещё не было. Обниматься со встречным, чужим ей человеком, которого она никогда не встречала раньше и не встретит впоследствии! И всё это в больнице, где умирает его отец! Что-то происходит с нею, словно другой человек вселяется в это тело и руководит всей её жизнью. И это только начало... Вот он какой, этот виртуальный мир!

А телефон преподносит сюрприз: пришла смс от Ротвейлера с одним единственным словом:

Р.. Хочу-у-у!!!

* * *

С самого утра Елена затеяла стирку, шмонала его вещи, как на зоне, проверяя каждую стёжку. «И где её этому научили? – думал Семён. – Вроде, в медзаведении работает, а почище какой-нибудь вохры».

Ничего по карманам он уже давно не оставлял. Рассказы Марины, что она выслала ему по почте, надёжно хранились в квартире матери, туда Елене доступа нет. Со свекровью они, вроде, не ссорятся, но и особой любви между ними тоже нету.

Успокоенный собственной дальновидностью, Семён решает оставить жену наедине со стиркой и куда-нибудь свалить, например, поиграть в билиард с Михаилом, тот давно уже уламывает друга. Партия началась успешно; отключив телефон, Семён полностью сосредоточился на том, что происходило на зелёном сукне. Когда Миша у него всё-таки выиграл, пришлось включить телефон, там уже поджидал текст, выведенный так хорошо знакомой рукой:

М. Знаешь, о чём я думаю? Нам с тобой не стоит видеться, встреча ничего не изменит в нашей жизни, а расставаться будет больно. Пусть со мной останутся только твои слова и твой голос. Как ты думаешь?

Р. Не знаю... Если ты так хочешь... Может, тебе виднее...

Сердце Семёна сжалось. Почему? Он уже прирос к ней, не мог даже думать о себе отдельно от неё, как будто что-то стягивало их. Он жил этой встречей! Почти два месяца просыпался с мыслью, что увидит её, думал, что они скажут друг другу. Даже маршрут их передвижений составил!! Матери рассказал, что приедет знакомая, о которой жене его лучше не знать. Ему показалось, что мать даже обрадовалась такой новости. Хоть какие-то перемены в не очень радостной жизни сына. И вот тебе – пожалуйста! «Нам с тобой не стоит встречаться!» Пришла ещё одна смс. Раскрыл её и прочёл:

М. Скажи, ты счастлив?

Этого он не знает сам. В чём оно, его счастье? В школе учился не очень, образования хорошего не получил. Работает сварщиком на госпредприятии, гоняют его в хвост и в гриву, а платят гроши. Жена симпатичная, умная, но язва – каких свет не видел! Детей своих у него нет. И уже не будет. Была тайная мысль: что, если Марина забеременеет? Как бы он повёлся? Бросил бы свою законную и сбежал бы к ней и к своему ребёнку?

Р. Нет, я просто существую.

Написал и сел в уголке бильярдной, играть уже не хотелось, но и домой идти тоже. Мучили с утра почки, страдал он ими ещё со школы. Пакостная вещь, эти почки! И главное – не лечится, деньги вбухиваешь в медикаменты, а результатов – шиш.

Марина тоже с утра нервничала. Её лечащий врач Виталий Валериевич внимательно наблюдал за ней уже почти две недели и раздумывал, как быть дальше. УЗИ показывало, что камень продвинулся на сантиметр, но по-прежнему сидит в мочеточнике. Слава богу, что хоть жидкость проходит свободно и особых болевых ощущений не доставляет. Оставался один выход – войти катетером в мочевой пузырь и через него попытаться достать злополучный конриement. Процедура болезненная, неприятная и не всегда безопасная, есть риск, но и женщину жалко, так она, бедненькая, замучила себя прыжками да бегом вокруг больницы.

Виталий Валериевич после восьми делал обход. Когда он вошёл в шестую палату, его взору открылась комическая картина: Марина стояла в центре палаты в спортивном костюме и мокалинах, с гантелями в руках, и отдавала команды, а больные в меру своего возраста и сил выполняли их. Бабушка Нина с перебинтованной головой не могла сгибать тело, однако ноги проворно поднимала вверх. Даже школьница Настя, хихикая, вращала кистями рук и подпевала мелодии, несущейся из радио.

- Весёленькая палата! – похвалил врач. - Чувствую, скоро мы всех вас выпишем.

Марина опустила гантели и смиренно уселась на свою койку.

- Так-с, - улыбнулся Виталий Валериевич. – Вижу, Вам, Марина, тут у нас понравилось. Пора уже браться за Вас всерьёз. Готовьтесь, сегодня Вам предстоит процедура, которую я обещал. После обеда начнём. Ничего не пить и не есть. И любовью не заниматься, - добавил он тише. Щёки Марины порозовели.

«Дудки, - подумала она. – Скоро Светка приедет, а уж она полную сумку вкусенького привезёт. Наемся до отвала!» Не удалось врачу испортить ей настроение. Подумаешь, процедура! Не боится она ничего! Лишь бы только камень вышел, а остальное уж как-нибудь стерпит!

Света, как всегда, притащила полный пакет провизии: нарезки ветчины, корейки, булочки с маком, арбуз, кубите – слоёный пирог из пресного теста с мясом (её мама очень вкусно печёт), в глубине пакета пряталась бутылка коньяка, 300-граммовая, ровно столько, чтобы не опьянеть.

- Уйти бы подальше, - подмигнула сестра, кивнув в сторону парка.

Парк у больницы роскошный! Ухоженный и в то же время диковатый, с тропинками, стёжками, ныряющими среди деревьев и кустов с буйной цветовой гаммой: от нежно-зелёного до красновато-коричневого. Две подруги выбирают полянку, скрытую от глаз прохожих, с одной стороны – кроны карликовой шелковицы, с другой- широкая ёлка. Листочки всех цветов и размеров устилают зелёную траву. Словно и нет осени, нет октября – небо ярко-синее, солнце тёплое, ласковое, всё такое нарядное, пёстрое, ни грусти тебе, ни тревожного ожидания!

Женщины расстилают на земле свои джинсовые куртки, удобно усаживаются. Марина сидит по-турецки, подобрав под себя ноги, и в подробностях рассказывает подруге свои ночные похождения, от Светланы у неё нет секретов.

- Да ты что? – ахает та. – Прямо перед больницей, под дождём? Ну, ты и даёшь! Не узнаю тебя! Вот что значит сорок лет!

- Словно молодость вернулась, - соглашается Марина. – Но у меня раньше, в юности, такого не было, поверишь?! Другая становлюсь, просто во всём другая, словно подменили меня. И мальчишка этот – где он взялся, как шёл за мной – даже не видела, не чувствовала! Почему шёл?

- Мужчины наши желанья ощущают, - задумалась и Светлана. – На запах идут, что ли... Они открыли бутылку коньяка, налили в пластмассовые стаканчики.

- За тебя! – произнесла сестра. – Чтобы всё у тебя было хорошо: и тут, в больнице, и на работе, и в жизни личной, и, конечно же, чтоб книга легко писалась. Знаю, как для тебя это важно. Знаешь, кто тебе привет передаёт?

- Кто?

- А ты догадайся.

- Понятия не имею.

- Юра.

- Какой ещё Юра?

- Как, какой? Из лета, из Крыма, из Алушты. Кто тебя на своём байке катал? Чьи ноги из нашей палатки торчали?

- Не напоминай об этом, пожалуйста! А то заплачу...

И правда: лето казалось таким далёким! Света с Димкой в первый вечер знакомства отправились гулять по набережной, а Марина – к морю, Юра не успевал следом с полотенцем и коньяком, чтобы было чем согреться, выбравшись из воды. Но греться-то зачем? Ночь тёплая, дружелюбная, вода – в каких-то мерцающих искрах, сделаешь жест рукой по воде – и всё засверкает, заискрится, повторяя твои движения. Они поплыли рядышком, она чуть вырвалась вперёд. Было очень темно, но звёздно, небосвод сливался с водой, и страх вперемешку с восторгом заставлял её то и дело оглядываться на плывущего следом. Огибая буну, она остановилась и отдалась рокоchущим у бетона волнам, вытянулась на спине, уставившись в россыпи мелких и крупных звёзд над головой. Тело в воде казалось невесомым.

Целовались они долго и не отрываясь, переплетались руками, ногами, волосами, словно одно восьмиконечное существо, вращались штопором в воде, не в силах распутать путы и избавиться от взаимного притяжения. Солёная вода делала такими же солёными, пряными их тела,

и когда они выбрались на камни, с наслаждением слизывали эти солёные капли друг с друга, становясь частью морской стихии.

Они не помнили, как поднялись по крутому склону, как дрожащими руками справились с молнией, даже не обтеревшись, упали на дно палатки, не удосужившись её закрыть, и почти сразу уснули, выбившись из сил после такого ночного плавания. Когда рано утром Дима со Светой появились на обрыве, из распахнутой палатки торчали волосатые мужские ноги.

- Юркины, - констатировал Димка.

Той ночью Марина и потеряла в море верхнюю часть своего купальника, Димка потом нашёл этот лифчик, сиротливо плавающий в береговой пене. Море любезно вынесло его, как бы говоря Марине:

- Вот тебе, подруга! Чужого мне не надо.

- Димка вчера звонил, - продолжала рассказывать Светлана. – Что-то там отмечали, выезжали за город. Я сказала, что ты в больнице, так что все байкеры Харькова желают тебе скорейшего выздоровления!

Марина только усмехнулась. Вспоминать сейчас лето не хотелось, и не потому, что оно было слишком хорошим, а потому, что оно прошло, это уже вчерашний день.

«Я буду жить тем, что есть у меня сейчас, - думала Марина. – Настоящее всегда лучше, хотя бы уже потому, что ты можешь им руководить. Или, во всяком случае, тебе так кажется».

- Как там твой Ротвейлер? – вспомнила Света. – Вы ещё общаетесь или всё уже?

- Общаемся.

- Да? Как это он тебе ещё не надоел? В гости не собирается?

- Ага, жди! Он от жены ни на шаг, даже звонить боится, когда она дома, на смс – и то не ответит.

- Дурдом! А ещё писал: приезжай в гости! Представляю: поедешь, а он и не встретит.

- Прибежит! В этом я не сомневаюсь. Сомневаюсь только, поеду ли я. Ну, поеду, увижусь – а дальше-то что? Ни-че-го!

Свете пора уже было возвращаться домой. Сёстры расцеловались, всплакнули немного и, обнявшись, расстались.

* * *

Казалось, её пребывание в больнице идёт к завершению. Уролог, не дождавшись выхода камня естественным путём, решил вмешаться, Марину ожидал неприятный эксперимент: смогут ли достать её камушек «петлей»? Такие операции врач делал часто, и в основном они завершались успешно. Сейчас Марину готовили именно к такой процедуре. Все её попытки избавиться от констриктора таблетками, чаем, уколами, арбузным соком, резкими прыжками провалились. Врач ведь сразу предупредил:

- Старайся! Не получится – будем резать.

Марина старалась, но...

В манипуляционной её раздели и уложили на стол – кресло, на ноги надели серые бахилы, обкололи обезболивающим, на живот положили кусок стерильной марли, оставив свободным только вход в мочевого канал, приготовили инструменты и приступили к процедуре.

Болело, конечно, очень, но терпеть можно. Марина и терпела, закусив губы. Только бы у них получилось! Виталий Валериевич, Миша и Наташа колдовали над каналами её тела, доктор говорил медсестре:

- Как всё-таки красиво идёт!

Это он о моче, струящейся по мочеточнику.

- Ровненько, без перебоев, словно и камня там нет! – продолжал врач.

«Красиво идёт, - думала Марина. – Что может быть в этом красивого? Странные люди – доктора!»

Все трое были внимательны к Марине, особенно медбрат Миша, он держал её за руку, успокаивающе пожимая её, что-то говорил, стараясь отвлечь.

В мочевом пузыре задержались недолго, пошли дальше, в мочеточник, он был очень узким, продвигались всё глубже, а камня не было. Правда, вначале катетер будто бы во что-то упёрся, а потом ничего, скользнул плавно дальше.

- Опаньки! – ахнул врач. – Сюрпризы! Странно, - и недоумённо склонился над пациенткой, посмотрел на неё внимательно. – И как сие понимать, больная? А? Да Вы симулянтка!

- Почему? – удивилась она.

- Камешка-то нет! А был ли камень?

- Как это – был ли? – пожала она плечами. – УЗИ же раз десять делали!

- Именно! УЗИ делали, по лестнице скакали, пиво пили...

Марина покраснела. Откуда он знает про пиво? Это ей посоветовала одна из медсестёр – выпить побольше пива и попрыгать. Она так и сделала, осилила целый литр и отправилась на лестницу. Захмелела быстро, не удержавшись, оступилась и чуть не вывихнула ногу. Ничего не скроешь от врача!

- Будем входить глубже! – заявил Виталий Валериевич. – Что, если он пошёл обратно? Кто его знает, что за камни у вас! Может, они в хозяйку?!

Но «камни» всё-таки исчезли.

- Чёрт! – и расстроился, и обрадовался врач. – Надо её на рентген! Готовьте, а я пошёл, перехвачу Иваныча. Будем искать её летучих голландцев!

Все заметушились, забегали. Рентгеновский кабинет располагался на первом этаже, прикатали кресло на колёсах, в таких обычно раскатывают по коридору инвалиды или те, кто временно не могут ходить. Оказалось, что нужен халат, так как брюки надеть не было возможности: из неё всё ещё торчали трубки, трогать их было нельзя. Наташа бросилась в женскую палату в поисках халата, а Миша стоял рядом с ней и улыбался, подбадривая её.

В коридоре простучали каблучки Наташи, Марину осторожно сняли со стола, усадили в кресло, и Миша повёз её по больничному коридору, такому длинному, как ей сейчас казалось, и все изумлённо глядели ей вслед: так непривычно было им видеть её неподвижной и беспомощной в этой каталке после того, как она каждый день делала пробежки и прыгала по ступенькам лестницы.

Пройдя ещё одну процедуру, она уже не знала, верить ли в хорошую новость: камня нет!!! Неужели это ошибка? Когда же он вышел? И почему она этого не заметила? Шуточное ли дело – камень выпал, а она – ни сном, ни духом! А может, превратился в песок? И этим катетером они его рассыпали в прах?

«Напьюсь, - решила Марина, - разойдутся врачи, никого не будет – и выпью! Такое надо отметить!» Коньяк они со Светой не допили, четверть бутылки было припрятано в её тумбочке. Возвратившись в палату, она взяла деньги и отправилась в аптеку поликлиники, из её отделения туда вёл соединительный коридор, не нужно было одеваться, пройдя метров пятьдесят, ты сразу попадал на второй этаж поликлиники. Марине нужно было купить калейдоскоп, который ей приписал врач.

Под соседним с аптекой кабинетом сидела светловолосая девушка. Симпатичная, тонкие черты лица, только лицо у неё было очень уж несчастным, с каким-то отрешённым взглядом. Вот такой, наверно, была и Марина, когда узнала, что у неё остановились почки. Не утерпела и под села к девушке, спросив:

- Что-то случилось? Серьёзное? Может, Вам помочь?

Девушка расплакалась, Марине всё-таки удалось узнать причину её слёз.

Как-то ночью, включив телевизор, Катя (так звали девушку) увидела на экране объявление теле-чата и решила написать одному парню, чей номер быстро ввела в телефонную книгу. Парень оказался студентом медуниверситета, 24-х лет, испанец, зовут Рауль. Перезванивались

неделю, решили встретиться. Рауль пригласил её к себе, обещал романтический вечер, и доверчивая девушка соврала родителям, что едет к подруге в соседний городок, а сама отправилась в Донецк на свидание, почти ничего не зная о своём новом знакомом.

Рауль снимал однокомнатную квартиру. Катю здесь ожидали горящие свечи, апельсины и торт на столе. Начиналось всё безобидно и сказочно: красивый смуглый парень с горящими глазами, комплиментами, тихим смехом... Потом заглянули друзья студента, выпили вместе с ними martini, дальше – больше. Опыневшая девушка флиртowała со всеми, садилась на колени, звонко смеялась, когда целовали её плечи, шею, гладили ноги. Закончилось всё любовью вчетвером, причём, без её согласия. И вот теперь она проходит обследование в клинике. Родителям ничего не говорит, отец – не родной, а мама всё равно не поймёт, только хуже будет.

- В милицию заявление писала? – спрашивает Марина.

Девушка только мотает головой.

- Почему? Надо же проучить этого...!

- Я же сама к нему приехала, никто меня не заставлял! И пила тоже по своей воле, да и с друзьями... может, сказала бы сразу «нет» - и ничего бы не было! А так – будут ещё спрашивать: а как всё было? А что вы делали? Потом ещё и виноватой останусь, на весь город ославят!

«Да, - думала Марина, - так чаще всего и бывает. Подлецам - как с гуся вода, а женщину ещё и грязью обольют, назовут проституткой. Умеет наша милиция работать!»

- Дай мне его номер! – просит Марина.

- Зачем??

- Дай.

И записывает номер телефона этого Рауля. Она ещё не знает, зачем он ей, но мысль рождается подспудно, не зря же она журналист. Люди её профессии, чем бы ни занимались, всегда остаются журналистами! Надо будет попробовать выйти на этого Рауля. Вдруг он опять напишет в ЧАТ? Для этого нужно знать всё о нём, что он любит, какие девушки ему нравятся, что он за человек, какая у него реакция и т.д. Катя рассказывает, а Марина старается запомнить.

Последнюю ночь в больнице Марина проводит в раздумье. Хорошо, что с почками порядок. Хорошо, что от Семёна она постепенно начинает отвыкать. Стыдно, что с этим мальчиком на пороге всё вышло так глупо и страстно, но, в то же время, и хорошо! Скинуты цепи никому не нужного целомудрия, душившего в ней долгие годы сексуальность. А вот история с Раулем – это очень серьёзно, это тот фитиль, который либо взорвёт всё к чёртовой матери, либо погаснет, так и не добравшись до взрывчатки. Тут уж как повезёт, как поможет фортуна. Так вот какой ты, ЧАТРИКС! Оказывается, не всегда добрый и романтический, не одно только приятное общение ты несёшь! Ты ещё и судьбы калечишь, заставляешь возненавидеть любовь и всё, что с нею связано! Но и с этим она постарается справиться! Постарается выйти на подонка и хоть как-то его наказать! Вроде бы – что она может, сорокалетняя беззащитная женщина? Может! Иначе какой она Ганфайтер?

* * *

М. Еду в санаторий. Буду отдыхать. Представляешь: Новый год, Рождество, старый Новый год – всё там встречаю.

Р. Везёт! Процедуры, массаж, сауна...

М. Ага. А ещё дискотеки, тренажёрный зал, бар, мужчины...

Р. Ну что ж, отвыкнешь от меня.

М. Может, ты приедешь ко мне в гости? Снимем комнату, всю ночь будем вместе. Всё сделаю, только бы тебе было хорошо.

Р. Ты же знаешь, Мариша, что я не могу. Как я приеду? Такой дурак, что врать не умею. Если моя спросит, где был, сразу выложу всю правду.

М. Почему ты такой? Хочешь же встретиться! Семён, милый мой, целый день будем вместе!

Р. Искушаешь? Дразнишь? Как я иногда хочу тебя! Еду с работы, а все мысли там, с тобой. Вижу, как ты лежишь на кровати, раскрывшись...

М. Умеешь описывать! А как Аманда? Ей хоть немного лучше?

Р. Нет. Уколы делаю, несколько штук в день, а она худеет и худеет. Анализы водил её сдавать. Может, что-то прояснится.

М. Что же с ней такое? А у меня кот заболел Томика, ест плохо, всё время лежит. Лекарство ему давала, но слабо помогает.

Р. А я плачу, как дурак. Прямо тает на глазах. Смотрит на меня, будто просит помочь, а я уже не знаю, что делать. Привык я к ней, она для меня – самое дорогое существо, понимаешь? Ближе Аманды у меня никого нет.

М. Держись! Что Господь даст.

Р. Мариночка, скучаю. Когда не пиешь – места себе не нахожу. Как я привык к тебе! Что мне делать? Впереди целых два дня молчания. Не выдерживаю! Такого у меня ещё не было...

Разговор этот был неделю назад, сейчас же Марина отдыхала в санатории «Святые горы».

Санаторий терялся среди сосен, то там, то здесь торчали жёлтые шапки корпусов из колючей зелени леса. Снега было пока немного, но мороз с каждым днём крепчал, не давая вольготно отдыхать. По лесным тропинкам подолгу не побродишь, к монастырскому мосту, что ведёт к Лавре, пока дойдёшь – начинаешь притопывать ногами, снимать видеокамерой холодно, руки деревенеют и не слушаются. Примешь ванну – и бегом в свой номер, пока добегашь до корпуса – замерзаешь основательно, с пушистой шапки свисают маленькие смешные сосульки, а в номере тоже холодно, приходится становиться под горячий душ и только после этого лезть в кровать.

Хорошая соседка у Марины, Вера, сорок с хвостиком, не болтливая, не манерная, засыпает быстро и под музыку, и под работающий телевизор, и под Маринины телефонные звонки. Быстро они подружились. Вместе ходят на процедуры, в столовую, на танцы. Вера тоже любит танцевать.

Сейчас Марина лежит в ванной, расслабившись, вытянув по воде ноги. Длинные ноги покачиваются и никак не хотят успокаиваться, как и она сама. До ужина ещё далеко. Вера убежала на свидание, она в разводе с мужем и занята поисками нового. А Марине ничего не хочется: ни стабильности в своей жизни, ни перемен.

Вчера она ходила на дискотеку, или вечер танцев, как гласило объявление в столовой. Мужчин было много, все танцевали, то и дело приглашая дам. Марина даже не предполагала, что так популярна здесь. Только во время пары медленных танцев простояла она у стены, остальное же время была востребована, да ещё как! Несколько раз к ней подлетало одновременно двое мужчин. Чтобы не обидеть приглашающих, она отдавала предпочтение тем, кто был постарше. Более молодые с досадой отходили от неё в недоумении: почему их отвергли?

Подошёл высокий широкоплечий мужчина, не отдыхающий, а залётный. Фигура спортивная, крепкая, одет дорого, улыбка знающего себе цену мужчины. Пригласил на танец так, что отказать было просто невозможно. Обнял её легко, но в каждом жесте улавливалась сила и уверенность. От него пахло какими-то дурманящими духами, вдохнув их аромат, она непроизвольно прижалась к его телу, оно было тёплым и упругим. Мужчина усмехнулся, словно её движение было само собой разумеющимся, скосив на неё взгляд своих светло-голубых глаз, прошептал прямо в ухо, пощекотав его волосами:

- Что Вы делаете в субботу вечером? – Спросил, но не представился и не назвал себя.

- Может, сначала познакомимся? – поинтересовалась она, не ответив на его вопрос.

- Что ж, давайте по этикету. Пётр, здесь, как понимаете, случайно, приехал на дачу, а друг затащил меня к вам, тут его знакомая отдыхает. А Вас как зовут?

- Марина.

- И чем Вы занимаетесь, Марина? Не в торговле случайно?

- Нет, от торговли я далека. По образованию филолог, работаю журналисткой, пишу.

- Творческая личность, это заметно. И танцуете тоже очень ярко, творчески. Люди Вашей профессии обычно обладают буйной фантазией и пишут о том, чего на самом деле нет или чего они совершенно не знают. Самое паршивое – это то, что их нельзя остановить.

- Вижу, наш брат доставил Вам много хлопот?!

- Ну, что Вы! У меня не бывает хлопот, я умею решать свои проблемы. И какие-то газетные писаки никак на меня и мой бизнес не влияют, поверьте. А вот интересно, как Вы, Марина, проводите здесь время. Наверное, скучно? Надеюсь, день расписан не постоянными процедурами?

- Нет, ещё я посещаю спортивный и тренажёрный залы, плаваю в бассейне, гуляю в лесу, хожу в монастырь, смотрю телевизор...

- И Вас пускают в монастырь?

Она взглянула на него удивлённо:

- А почему меня нельзя пускать в монастырь?

- Хотя бы потому, что Вы очень сексуальная женщина, мне достаточно было увидеть, как Вы смотрите на мужчин и как танцуете, и я сразу же ощутил эти Ваши флюиды. Извините, но в Вас есть что-то такое, от чего даже я, с Вами танцуя, схожу с ума. А Ваша грудь, - и он опустил глаза в вырез её кофточки, - это что-то божественное!

- Что за глупости! – вспыхнула Марина, - В груди не может быть ничего божественного!

- Не скажите! Вы не мужчина, Вы этого просто не понимаете. Может, и хорошо, что Вы не знаете себе цену, так мужчинам спокойнее. Что, если я приглашу Вас к себе – не откажетесь?

- К себе? Вы здесь живёте?

- Нет, я живу далеко отсюда, но у меня есть, куда Вас пригласить. Например, что Вы скажете о даче с прекрасной баней? Настоящая русская баня, с берёзовыми вениками, паром.

- И что потом? – усмехнулась Марина, догадываясь о дальнейшей программе.

- А потом – шампанское, новогодняя программа, приятная беседа. Если у Вас есть подруга или интересная соседка – милости прошу! Соберёмся маленькой компанией, попаримся, оставим в старом году всю грязь нашего бренного тела...

- Неужели так много грязи?

- Жизнь – это очень грязно, поверьте.

- Ну, что ж, я бы не против оставить в старом году все неудачи, а ещё плохих людей, смыть с себя всё плохое. И далеко Ваша баня?

- В лесу, в нескольких километрах отсюда. Если решитесь – я заеду за Вами. Уверен, Вам понравится. И запомнится, - добавил он. – Встречать Новый год всегда нужно ярко, неожиданно, с приятными людьми. А здесь, в санатории, скука!

«С приятными людьми, - передразнила она его, - и ведь, подлец, уверен, что сам он – «приятный человек», считает, что я никак не откажусь от его предложения. А и в самом-то деле? Почему бы не взять Веру и не рвануть в лес, подальше от этих «Святых гор»? Что он может с нею сделать? Да ничего! А она развлечётся, постарается забыть этого Ротвейлера с его женой, с его животом, с его звонками по расписанию, только в рабочее время!»

- Хорошо, - ответила она. – Пожалуй, я поеду. Нужно только поговорить с Верой. Это моя соседка.

- А это мой номер телефона, - и он протянул ей визитку. – В девять я буду у ворот.

Сев на диван в уголке зала, она внимательно рассмотрела визитную карточку своего нового знакомого. «Кудрявцев Пётр Иванович, директор фирмы «Силуэт». Чем же может заниматься фирма с таким названием? Не понятно. То ли одеждой, то ли физическим совершенствованием тела... Но мужик крутой, по всему видно.

Когда Марина рассказала Вере о разговоре с Петром и показала визитку, та беззаботно махнула рукой:

- Конечно, поедем. Сто лет в бане не была. Да ещё в лесу! Встретим Новый год, как белые люди, по всем правилам!

- Вообще-то нормальные люди встречают его дома, но и в лесу – классно, главное – необычно.

Так тому и быть! Проведут они встречу Нового года в компании Петра и, возможно, его друга.

А фирма «Силуэт» не имела никакого отношения ни к одежде, ни к фитнес-клубам, она готовила профессиональных охранников, и название её шло от вдохновителя всего дела – Силуэтова Вадима Сергеевича, друга Петра. Ему же и принадлежала шикарная дача в лесу с банькой, охотничьими угодьями, заводью от Донца и всего прочего. Усадьба эта имела у местного населения негромкую славу места проведения оргий, которые обычно устраивали крутые ребята. Сюда привозили неугодных, где обычно они и бесследно исчезали. Здесь выколачивались долги и платились выкупы. Тут развлекались с проститутками, и случайно оказавшийся поблизости грибник мог слышать женские стоны и крики. Однажды на дороге вдоль реки выбралась молодая женщина с синяками и кровоподтёками на теле, зиявшем из разорванной одежды, её подобрала попутка. Кто она и откуда – никто не знал, а подвезший её водитель предположил держать язык за зубами и не рассказывать, кого и откуда вёз.

Ротвейлер в тот день молчал, ничего не писал Марине. Расстроенная, она послала в полночь в ЧАТРИКС ещё одно сообщение, и была просто засыпана эсэмесками и звонками. Написала она следующее: «Мечтаю познакомиться с чернокожим парнем». Среди ответивших ей не было ни одного чернокожего. В одной эсэмеске было написано: «Зачем тебе гниды чернокожие? А если я после солярия?» Тон сообщения был грубым, задиристым, она ничего не ответила, но спустя полчаса с того же номера пришла ммс с фото парня и подпись: «Я Андрей. Конечно, я не чёрный, но я лучше и сексуальнее любого нигера. Или тебе только чурок подавай?» На фото красовался сильный, загорелый, накачанный парень с длинными чёрными волосами, собранными в хвост, в майке, открывающей богатырские плечи, с плотоядной и наглой улыбкой полных губ. Согнув руки, он демонстрировал невероятных размеров мышцы. Красавец! Марина решила ему ответить.

М. Просто я люблю контрасты. Разве некрасиво, когда чёрное и белое вместе? Переплетаются два разных тела – это гармония жизни! А ты, я вижу, расист, признаёшь только свою национальность?! А если у другого парня чёрная кожа – он уже гнида? Чем ты лучше?

А. Всем! Я – это я! А у тебя слишком гонористый для женщины тон!

М. Какой есть. У меня и ник такой – Ганфайтер.

А. И что это значит? Кто он, этот твой Ганфайтер?

М. Сразу видно, ты мало читаешь, а о вестерне и не слышал, иначе бы знал, что ганфайтеры – это те, что быстро и метко стреляют.

А. Это слишком древнее для меня, твой вестерн. Я парень современный. И сам умею стрелять, в армии был снайпером. И кто за тобой бегать будет, кому ты нужна? Тебя не я – так пуля догонит. Тоже мне, барышня!

М. А ты что собой представляешь? О других гадости говоришь, а сам, небось, не лучше!

А. Да у меня два высших образования! И бизнес свой: три магазина в Донецке и Дружковке. Я много лет спортом занимаюсь, служил в Национальной гвардии в Киеве, потом в Югославии, в «Чёрном скорпионе»!

М. Извини, но ты столько ошибок делаешь, что я даже предположить не могла, что у тебя два высших образования. А твои магазины и твой бизнес – это для меня ничто, я людей по наполненности кошельков не меряю. Единственное, что вызывает уважение, – это то, что в армии служил. Это действительно украшает мужчину.

Прошло несколько минут, а ответа от Андрея не было. Она уж подумала, что не напишет, больно горячий и взрывной тип, но ответ таки пришёл.

А. Я думаю, что на самом деле ты – серая мышь, невзрачная, некрасивая, никому не нужная. Сидишь там в своей комнате, смотришь на экран и пишешь эсемесочки. Ты – пустое место, но корчишь что-то из себя!

Марине стало обидно до слёз. Придурок! Хам! Малолетка! Как он смеет так отзываться о ней? Ничего, она ему сейчас ответит! Марина выбрала три свои самые интересные фотографии и сделала к ним приписку.

М. Да, я серая мышь, посмотри, насколько серая. Это фото того, чтобы знал, чего ты никогда не получишь!

Андрей, рассмотрев фотографии, ответил тут же.

А. Беру свои слова обратно. Ты очень красивая и сексапильная девушка. Думаю, что после моих слов ты больше не захочешь со мной общаться. Ты обиделась?

Ещё три эсемески она получила от него с извинениями и восхищением, пока решилась ответить. Уж очень настойчивым был этот грубый парень! Не знала только Марина, что вдобавок он очень хороший психолог, оценив с первых слов характер женщины, был уверен, что на оскорбления она соответствующе прореагирует и непременно ответит. Так и случилось.

* * *

Уж лучше бы она ничего не писала, чем такое! Семён не находил себе места после эсемески Марины.

М. Скоро Новый год. Меня пригласили на дачу его встретить, дача с русской баней, как ты любишь. Мужчина тоже ничего, из состоятельных. Думаю, будут и икорка, и коньяк «Камю», и стриптиз-шоу. Ещё не знаю, пойду ли, но соседка по комнате уговаривает. Всё равно ты далеко, у тебя своя шоу-программа, со мной увидеться не собираешься, так что – большой измены тут не вижу. Да и знаю, что тебе всё равно.

«Всё равно» почему-то не было. Это откровенное признание так выбило его из колеи, что он даже забыл зайти в химчистку за шубой жены, теперь эту шубу Елена увидит только в новом году, выйти в люди будет «не в чем». Это она говорит – не в чем, а у самой куча пальто и курток, но надо же проучить склеротичного или невнимательного к жене мужа, чтобы не был раззявой.

Тёща командовала украшением ёлочки, Елена – ремонтом кухонного стола, Киндер – приведением в порядок компьютера, и все, таким образом, командовали им, Семёном. Командиры нашлись, туда его!..

Семён вспомнил, что начальник давно обещал ему честно заработанные отгулы, за одну только его тёщу можно было недельку подкинуть. Обычно эти отгулы он оставлял на весну, чтобы приплюсовать к рыбалке, а сейчас с тоской подумал: что, если взять эти два дня да три дня отдыха по календарю – всего пять – да и рвануть в Донбасс, к этой женщине? Обрадуется ли она его появлению? Денег, конечно, в обрез, но на то, чтобы снять комнату и напоить, накормить Марину, – хватит. Конечно, это не шикарная дача с баней, но так хотелось мужскому сердцу искреннего тепла, так истосковалось оно по доброй ласке! По стройным ножкам, по мягкому животу, по волосам на лобке, которые можно гладить, ерошить, целовать! Чёрт! А что, если и у неё вызвать ревность? Может, тогда она будет более сговорчивой и смирной? Вчера он встретился со своей любовницей Еленой (любовницу звали так же, как и жену; это очень удобно, имена даже во сне не перепутаешь, шепчешь в подушку: «Леночка, котик, дай поцелую ножку!», а лежащая рядом жена млеет от мысли, что он так её любит!). Они помирились, объяснились, и всё пошло по известному сценарию. Вот об этом он Марине сейчас и расскажет.

Р. Хочу поделиться с тобой маленькой, но приятной для меня новостью. Я помирился с любовницей. Она меня просто недопоняла.

М. Очень тронута твоей откровенностью. Ты удивительно тактичен.

Р. Да, не надо было тебе говорить. Я думал, между нами такие отношения, что я могу поделиться с тобой самым сокровенным. А ты просто не поняла.

М. Куда уж мне до ваших высоких человеческих отношений! Я простая, серая провинциалка.

Р. Ты что, ревнуешь?

М. Ты прав, ревную. Если бы я была рядом – ни у одной из твоих любовниц не было бы шансов. А так я далеко, а ты, к сожалению, труслив и нерешителен. Круг замкнулся.

Р. Возможно, ты права (по поводу трусости), но я так не считаю. Любовница у меня одна, больше нема! А шансы... Я никогда не сравниваю несравнимое. Ещё раз извини за откровенность. До завтра! Ничего не пришлешь?

М. Ммс.

Р. Надеюсь, оно будет доброе? Могу только надеяться на реабилитацию. Цёмаю везде!

М. Сём, вы столько лет вместе, но детей нет. Почему? Причина в тебе?

Р. Не знаю, может, и во мне. У моей есть ребёнок, и больше ей не надо.

М. А может, она больна? Или у тебя что-то не в порядке?

Р. Я проверялся, всё у меня в порядке.

М. Знаешь, единственное, что я хотела бы сделать – это попытаться забеременеть от тебя. Но для себя, а не для тебя, потому что тебе, я уверена, это не нужно.

Р. Неправда! Хочу детей до поросычьего визга! Хочу ребёнка-а-а! Хочу-у-у!!

М. .Сёма, ты мне очень нужен!

Р. Не боишься такие вещи говорить? А то я могу и поверить!

Марина отложила телефон и задумалась. Помирился с любовницей, радуется этому, как ребёнок, ещё и с нею делится, словно она ему всего лишь друг, посторонний человек, сухарь без души, безмолвная телефонная трубка. Просто трубка – вот кто она, трубка, выслушивающая признания, всякие глупости, жалобы на жену, на начальника, просто на серость обыденной жизни. Что можно сказать на это? И чего можно ждать? Ребёнка он хочет, а сам позвонить ей боится, когда жена дома, даже на смс не отвечает. Откуда же он возьмётся, ребёнок? Как обидно! И за него, и за себя. Ничего у неё с ним не получится, это роман без интриги и без сюжета, на одних только эмоциях. Стоп, Марина! Какой роман? Ты же всего лишь пишешь книгу, тебе нужен герой – он найден, тебе необходим сюжет – пожалуйста! Не путай литературу со своей жизнью! А ведь и вправду у неё стали размываться границы реальности и виртуальности, где её жизнь, а где жизнь героини – не разберёшь. Так что, Марина, приглашают тебя на встречу Нового года – едь, не задумываясь! Это твоя настоящая жизнь, а не Семён. Не нужна ты Семёну! И ребёнок твой тоже не нужен!

Опустившись на кровать, Марина снова взяла телефон и набрала смс Андрею.

М. Привет! Чем занимаешься?

А. Готовлюсь к вечернему сексу.

М. И что, это надо делать так тщательно?

А. Это как священный ритуал. Я по часу провожу в ванной, тело требует ухода, а такое внушительное, как моё, – тем более. Я к сексу отношусь очень серьёзно. Может, поэтому и женщины меня так любят.

М. А ты уверен, что любят?

А. Марья, не шути! Шуток над моими сексуальными возможностями я не люблю.

М. И каковы же твои пристрастия, о мужчина моей мечты?

А. Люблю вдыхать запах женщины, начиная с головы и опускаясь ниже. Люблю целовать все уголки её тела, все складочки...

М. Ничего себе!

А. А ты? Как часто ты занимаешься сексом? Сколько тебе лет, кстати? То, что ты темпераментная, я уже понял. Ну, а вкусы у тебя какие?

М. Представь: я сижу в кресле, на мне ярко-красное кружевное бельё, коротенькая рубашка, распахнувшаяся и открывшая низ живота и бёдра... Никаких чулок и туфель на высоком каблуке, просто мои длинные сильные ноги, можно и на твоих плечах, а ещё лучше – большой пальчик во рту у тебя...

Марина отправила эсэмеску, и, когда уже нельзя было остановить ход отправки, нельзя было вернуть послание, когда конвертик завертелся и стал уплывать вверх, она с ужасом заметила, что ошиблась ячейкой телефонной книги, вместо «Скорпиона» сообщение уходило Семёну, чьи номера стояли рядом. Скорпионом Марина называла Андрея. Семён, конечно же, сразу поймёт, что ему досталось чужое послание, ведь такого тона она никогда не позволяла себе в их общении. Ох, и будет он психовать! Ей стало неудобно перед Ротвейлером. Какая же она всё-таки невнимательная!

М. Извини, эта смс предназначалась не тебе.

Р. Я даже рад, что так получилось, буду знать теперь, что я у тебя не один. А я уж тебе поверил!

После Ротвейлер замолчал. Марина забрасывала его эсэмесками, звонила, но он не брал трубку и не отвечал ей.

М. Почему ты так со мной? В чём я виновата? Ты сам развил во мне эту чувственность, сам толкнул на подобные разговоры, бросил одну среди мужиков. А я живой человек! Я не мирюсь с любовницами! Всё, что у меня сейчас есть, – это телефон и твои эсэмески. Да, я переписываюсь с парнем, и ты это знаешь, я от тебя ничего не скрывала. Мы, если хочешь знать, говорим с ним очень откровенно! Ну, и что? Разве я тебе в чём-то изменяю, скажи?!

Ротвейлер продолжал молчать.

М. Извинись! Ты виноват, и сам это знаешь!

Вечером Марине никуда не хотелось идти, с кем-то общаться, она отказалась от полдника и закрылась в номере. Хотелось плакать, потому что он по-прежнему ничего не отвечал ей. Встав у окна и глядя на падающий мелкий снег, она решила для себя раз и навсегда: даже если она и будет ещё с ним общаться, близко к сердцу его уже не подпустит. И написала:

М. Я желаю тебе счастья, собственных детей и хотя бы немножко здравого смысла.

Он ответил почти сразу же.

Р. Я был занят, не мог писать. У нас порвало трубы, только к четырём освободился. Извини, я просто приревновал. Хотя и понимаю, что не к чему было. У нас с тобой нет друг перед другом никаких обязательств. Ещё раз извини.

М. Если ты ревнив, то я обидчива и подобных фортелей никому не прощаю. Если ухажу, то навсегда. Помни об этом. Очень жалею, что не могу дотянуться до твоей шеи и откусить хвост ревнивому скорпиону. Мальчик, ты очень рискуешь!

Р. Я не мальчик! Мне 35 лет, и пережил я много. Но и ты для меня много значишь. И я хочу с тобой общаться! Мне без тебя скучно!

М. А для меня ты всё равно мальчик. Позволь мне так тебя называть. Я, несмотря на открытость, очень стеснительный человек, и страдаю от этого.

Р. Вот бы не сказал, что ты стеснительна! Ладно, называй. Будь стеснительной, но не со мной, мальчиком.

После перепалки с Мариной Семён решил немного отдохнуть и позвонил любовнице. Елена, видимо, особым желанием видаться с ним не горела, ответила односложно:

- Давай.

Душ, потом тщательное бритьё, дорогой дезодорант, свежестью пахнущее бельё и, наконец, настёж раскрытая дверь, за которой лёгкий мороз и отсутствие снега. В Одессе он –

редкий гость зимой. Ух! Завтра Новый год! Хорошо, что жены нет дома, пошла зачем-то к подруге, это раньше одиннадцати не вернётся. У него есть в запасе часа четыре. Ничего, он всё успеет, возбуждаться и расслабляться – для него не проблема. Елена №2 уже, наверное, и ванну приготовила, она любит добавлять в воду ароматические масла. Зануришься, ощутишь блаженство! А сверху – прекрасно пахнущая женщина! Можно и забыть на время, что завтра семейный праздник, узкий круг давно надоевших друг другу лиц, переполненный блюдами стол, жующий и хныкающий Киндер – всё это завтра. А сейчас можно отдохнуть от семейных радостей и войти в царство греха. Елена – женщина, может, и не оригинальная, но зато сговорчивая, такую не надо упрашивать и уламывать, только бы Владимир, её муж, не пришёл раньше времени. Сегодня у него на работе праздник, а мужик выпить очень любит, так что, как и его жёнушка, проторчит на работе до ночи. Можно было бы квартиру снять на эти 3-4 часа, но он пожадничал, Новый год на носу, а денег и так мало. Даст бог, пронесёт!

Насвистывая и напевая что-то под нос, Семён семенит по тротуару в сторону счастья. Дом любовницы всего-навсего за полквартиры, можно выйти из дома якобы на прогулку, а самому заглянуть в гости, – жена и не догадается.

А в это время Елена (любимая жена) забежала в гастроном, чтобы купить продукты, нужные для приготовления нового салата, подруга поджидала её у выхода. Когда она показалась на ступеньках, Рита сообщила ей:

- Только что твоего видела, топал куда-то.
- Да? – удивилась Елена. – Интересно, куда. А одет как?
- Как обычно – джинсы, куртка.
- В руках что-нибудь нёс?
- Не обратила внимание.
- Пошли, – дёрнула Елена подругу.
- Куда?
- Следом.
- На кой он нам нужен? Пускай себе идёт!
- Э, нет! Я хочу знать, куда это он по вечерам ходит.
- Лен, да ну его! Нам ещё много сделать надо.
- Успеем, куда от нас эта кухня не убежит.
- А муж твой, значит, убежит?
- Семён?? Пусть только попробует! Да я цыкну – на попу сядет! А она у него ой, какая хорошая! Пошли.

И Елена с Ритой, стараясь не обнаружить себя, пошли за Семёном, о чём тот даже не догадывался.

* * *

Что связывало её с этим мужчиной? – недоумевала Елена, ожидая Семёна. – Не красавец, фигура раздорванного бора; живот такой, что вместит целое ведро; мужское достоинство за свои параметры в книгу рекордов Гиннеса вряд ли попадёт; а характер! За два года «тесного общения» – один букет цветов, пара шоколадок и торт в праздники, и то съедает его сам. Скупой мужик, лишнюю копейку на бабу не потратит, сто раз подумает, прежде чем что-то сделает или скажет. Одним словом, Скорпион! Не зря он у него на полшеи хвостом машет! А ей по душе – размашистые, щедрые, заботливые. Ну, чем Семён лучше Володи? Разве что тем, что любовью может заниматься часами, всякие неожиданные позы в сексе придумывает, ей покоя не даёт. Тут он, конечно, неутомимый, Володке до него ой, как далеко! А ещё меньше пьёт, точнее, меньше пропивает.

Елена опустила жалюзи, свесила шторы, сразу придавшие спальне уют и интимность, на постель бросила любимую чёрную шелковую простынь. Говорят, у Маргариты Валуа тоже

было чёрное постельное бельё, на котором она принимала своих любовников. Да, француженки знают в этом толк! На такой простынке развалиться белому женскому телу – одно удовольствие!

Бутылка шампанского робко, как жених перед сватовством, стояла в холодильнике. Кто его знает, догадается ли любовничек взять с собой шампанское. Высокие матовые бокалы давно уже расположились на журнальном столике рядом с тарелками и вилками. Там же горели две ароматические свечи, их розовый тон наполнял комнату приятным светом.

Встав у трюмо, Елена с удовольствием разглядывала своё тело. Не худое, не костлявое, как у этих доходяг – топ-моделей; груди, как конусы, вызывающе торчат в разные стороны; живот подтянутый, упругий, слегка выступающий вперёд. И попа хорошая – пухленькая, кругленькая, такие ягодички приятно сжимать и трясти мужским рукам. Ноги, правда, коротковаты, но, если обуть туфли на высоком каблуке или танкетке – ничего не заметно. Семён любит, когда она в розовых туфлях и розовых чулках, плотно и красиво обтягивающих её ноги. Тогда он готов часами их гладить и ласкать языком.

И зачем она с ним помирилась? Наверное, просто соскучилась по его крепкому телу и сюрпризам. А вообще-то надо с этим кончать, или хотя бы не дома встречаться, а то так можно влететь!

Раздался звонок в дверь. Накинув лёгкий, прозрачный, в алые маки халатик, она пошла в переднюю, отодвинула задвижку ипустила ожидаемого гостя. Семён прижал её к животу, поцеловал в висок и широким жестом достал из внутреннего кармана куртки коробку с конфетами. Шампанского, как и предвидела Елена, у него не оказалось.

- Моей нет дома, - сообщил Семён. - И скоро не предвидится, так что я сегодня – весь твой! – подумав, добавил. – Истосковался ужасно! Спать не могу, есть не могу, любовью заниматься с женой – тоже не могу!! Спасай меня, прекрасная Елена!

- Это твоя жена – медик, спасать – её профессия, а я всего лишь инженер, и то по части механизмов. Мужские души для меня – потёмки. Могу ещё не тот рецепт выписать, какой тебе надо. Сломаю что-нибудь в твоём хрупком организме.

- Ломай к чёртовой матери! Я на всё согласен!

«Понесло! – усмехнулась про себя Елена. – Влез по колено в свою любимую тему, теперь до ужина и шампанского не скоро доберёмся».

Семён уже копошился в её халатике, шумно дышал в ушко, подёргивал пряди волос – короче, развлекался вовсю.

В это время муж Елены Владимир громко хлопнул дверью, выбираясь из здания, и, закачавшись и чуть не слетев с порога, прижался к стене, ища в ней опоры. Стена была холодной и скользкой, как и тротуар, на который он ступил. Хорошо, что хоть снега не было. Если трезвый – погода ничего, а коли выпил столько, сколько они в конце смены, - разойдись по швам! Только бы домой добраться! Сослуживцы ещё празднуют, за следующей поллитровкой побежали, а ему – хватит! Начальник сегодня, сука, сказал, что он много стал закладывать, и намекнул, мол, замену ему всегда найти можно. Это ему-то, механику с золотыми руками! Всё, домой! Только бы его рожи не видеть! Сам пьёт по-чёрному и нахаляву, а ему, видите ли, - замену... Нет, он не дурак, выпил ровно столько, чтоб не сказали – пьяный, и идёт себе домой. Елена его так рано не ждёт. Вот обрадуется! Хоть пилить не будет, как всегда. И деньги в кармане ещё остались. Это ж надо! Первый раз остались за последнее время деньги! Сколько ж там их есть?

Владимир полез в карман, но там было пусто. Странно! Были же, он точно помнит. Полез в другой карман, но и там ничего нет. Может, в комнате остались? Или потерял? Или вытянул кто? Владимир вспомнил, что ещё есть карманы брюк, расстегнул пальто и стал выворачивать их. Из брюк на тротуар посыпались ключи от квартиры и какие-то бумажки, бумажки оказались двумя сотками. Радости Владимира не было границ! Двести гривен!! Вот это да! Он

чуть не забыл про ключи, наклонился, чтобы их подобрать, поскользнулся и проехал спиной по асфальту. «Твою мать!» - выругался беззлобно и, расстав по карманам деньги и ключи, побрёл домой.

А в это время в его квартире шампанское было выпито, коробка конфет наполовину опустошена, свечи почти догорели, наполнив комнату лёгкими ароматическими облаками.

Елена лежала в кровати, привязанная поясом к прутьям у изголовья, её трусики, разорванные в клочья, валялись у ножки кровати, волосы были растрёпаны и сбились на одну сторону. Семён стоял на коленях, облизывая покрывшиеся пупырышками ноги. Елена тихонько стонала и извивалась на чёрном ложе. Звучала тихая ритмичная мелодия, немного сбивавшая необходимый ритм.

И уж совсем некстати раздался звонок в передней. Трудно описать состояние Семёна, застигнутого врасплох в чужой квартире, голого, несчастного, когда он слышал настойчивый звон, так сообщают о себе только хозяева квартиры. Челюсть у Ротвейлера отвисла, глаза в панике забегали. Забыв о Елене, он заметался по комнате в поисках, куда бы спрятаться.

- Идиот! – завизжала она. – Развяжи меня, придурок! Что ты бегаешь?

Ах, да, она же привязана и без его помощи не может освободиться! Он бросился развязывать пояс, но вместо этого затянул его ещё туже, да так, что уже ничего не мог сделать.

- Режь! – командовала взбешённая Елена.

Хорошо сказать «режь», а чем? Голый, трясущийся и несчастный, он побежал в кухню, так как ножа на столе не оказалось. Бедный пояс был разрублен одним ударом.

Елена схватила вещи Семёна и швырнула в ванную, потом затолкала туда и его самого, но раздумала:

- Нет, в ванную нельзя, он сразу в ванную или в туалет прётся.

- Тогда куда же, Леночка? – умоляюще смотрел на неё Семён.

- Может, на балкон?

- С ума сошла! Я там замёрзну! Кто его знает, когда он уснёт и ты сможешь меня выпустить?!

- Да, на балкон нельзя. Ладно, ничего не остаётся другого – полезай-ка в шкаф!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.